

Отраженная в тебе

Автор:

Сильвия Дэй

Отраженная в тебе

Сильвия Дэй

Кроссфайр #2Сто оттенков любви. Запретные удовольствия

«Я убью ради тебя, откажусь ради тебя от всего, что имею... но не откажусь от тебя».

Гидеон и Ева внешне вполне успешные и благополучные люди, но любовь, превратившись в одержимость, привела их на грань безумия.

Чтобы разобраться в своих чувствах, им надо отступить на шаг назад и оглядеться, раскрыть друг другу душу, ведь если ты ничего не знаешь о прошлом любимого, то можешь потерять веру в его любовь.

Сильвия Дэй – автор международного бестселлера «Обнаженная для тебя» с тиражом более чем 2 миллиона экземпляров, проданных только на английском языке. Сенсация 2012 года. По свидетельству авторитетного издания «Bookseller», за последнее десятилетие ни один роман в мягкой обложке не пользовался таким высоким спросом, как «Обнаженная для тебя».

Сильвия Дэй

Отраженная в тебе

Посвящается Норе Робертс, вдохновительнице и истинному классику

Благодарности

Я признательна Синди Хуан и Лесли Гелбман за их поддержку, ободрение и, что важнее всего, за любовь к истории Гидеона и Евы. Издание и распространение книг требует не меньше душевных сил, чем их написание. За что я им очень благодарна.

Наверное, чтобы в полной мере выразить благодарность своему агенту Кимберли Уэйлен, мне пришлось бы написать отдельную книгу. Издание серии предпринималось в разных странах и в различных форматах, но она ни разу не упустила из виду ни одной мелочи. А поскольку она всегда в курсе дела, я вольна сосредоточиться на своей части нашего сотрудничества – написании книги, за что ее просто обожаю.

Синди, Лесли, Ким, Клэр Пелли и Том Уилдон опираются на поддержку динамичных издательских коллективов «Penguin» и «Trident». Мне бы очень хотелось назвать по имени каждого, но ведь их на самом деле набрался бы целый поселок. Неутомимость и энтузиазм множества сотрудников заслуживают самой искренней похвалы. Благодаря старанию и усердию коллективов «Penguin» и «Trident» серия книг о Еве и Гидеоне распространяется по всему миру, и я просто обязана поблагодарить их за время, посвященное работе с моими произведениями.

Я глубоко признательна своему редактору Хилари Сайерс. Благодаря ее активным действиям эта серия стала тем, чем она является, а также агенту по печати и рекламе Грегу Салливану, во многих отношениях значительно облегчающему мою жизнь.

Кроме того, следует поблагодарить зарубежных издателей – на момент написания этих строк их насчитывается уже больше трех дюжин – за то, что пригласили Гидеона и Еву в свои страны, чтобы познакомить с ними своих читателей. Я тронута этим и высоко ценю сотрудничество с вами.

И уж само собой разумеется, огромное спасибо читателям из разных стран мира, принявшим и полюбившим историю Гидеона и Евы, ведь в ту пору, когда я работала над «Обнаженной для тебя», мне казалось, что, кроме меня, эта

история вообще никого не интересует. То, что у нее нашлось столько доброжелательных читателей, трогает до глубины души. Так давайте же продолжим наше совместное путешествие с Гидеоном и Евой. По жарким, ухабистым дорогам лучше всего ездить с друзьями.

Глава 1

Я любила Нью-Йорк такой же страстной любовью, как и еще одно явление в своей жизни. Город представлял собой потрясающий микрокосм новых мировых возможностей и старых мировых традиций, место постоянного смешения консерваторов и богемы. Чудаковатые странности соседствовали с бесценными раритетами. Пульсирующая энергия города питала кровеносную систему международного бизнеса, привлекая сюда людей со всех концов света.

Осознание этой вибрирующей, неумной целеустремленности и всемирно прославленной мощи вызывало у меня восхитительное ощущение, сопоставимое только с конвульсивным множественным оргазмом.

Направляясь к огромной гардеробной, я оглянулась на измятую в ходе наших сексуальных кувырканий постель Гидеона Кросса, и у меня заныло сердце от нахлынувших сладких воспоминаний. Волосы мои были еще мокрыми после душа, а сама я завернулась в полотенце. До начала рабочего дня оставалось еще полтора часа, что, разумеется, не могло не радовать. Ведь я намеревалась уделить часть этого чудесного утра сексу, иначе и быть не могло. Гидеон просыпался с намерением завоевать весь мир и любил начинать этот процесс с того, что овладевал мною.

Ну это ли не счастье?

Поскольку дело шло к июлю и было уже довольно жарко, я выбрала для себя слаксы из тонкого натурального льна и поплиновый топ мягкого серого цвета, идеально подходивший к моим глазам. Я не обладаю парикмахерским талантом, а потому собрала свои длинные светлые волосы в незатейливый конский хвост и занялась лицом. А когда сочла, что выгляжу прилично, покинула спальню.

Выйдя в коридор, я услышала голос Гидеона. Он тихо, но довольно резко с кем-то разговаривал, и я поняла, что он сердится. От этого у меня по спине побежали мурашки. Его не так-то просто было вывести из себя... если только дело не касалось меня. Уж мне-то удавалось доводить его до того, что он и голос повышал, и сыпал проклятиями, и в гневе запускать руки в свои изумительные иссиня-черные, ниспадавшие до плеч волосы.

Однако большую часть времени Гидеон представлял собой живое воплощение могучей, но сдержанной силы. Да и не было у него нужды срываться на крик, когда он запросто мог нагнать на людей страху одним лишь взглядом или короткой, рубленой фразой.

Я нашла Гидеона в его кабинете. Он стоял спиной к двери с приемником блютуз в ухе. Руки его были скрещены на груди, взгляд устремлен в окно, выходящее на Пятую авеню, и в целом он производил впечатление человека до крайности одинокого, индивидуалиста, отрешенного от окружающего мира, но вполне способного этим миром управлять.

Я прислонилась к дверному косяку и с восхищением стала разглядывать своего мужчину. И я была абсолютно уверена, что передо мной открывается куда более интересный вид, нежели перед ним. По той простой причине, что со своей выигрышной позиции я видела не только небоскребы, но и Гидеона на их фоне, который производил столь же сильное впечатление.

Гидеон успел принять душ еще до того, как я выбралась из постели, и его великолепное тело, вызывающее прямо-таки наркотическое привыкание, было сейчас скрыто под дорогим, шитым на заказ костюмом. Мне был виден обрисовывавшийся под брюками потрясающий зад и обтянутая жилетом мощная спина.

Стену кабинета украшал вставленный в раму коллаж из фотографий. В основном на них были запечатлены мы вдвоем, но одну, весьма интимную, Гидеон сделал сам, когда я спала. Большей частью снимков мы, разумеется, были обязаны папарацци, неотступно следовавшим за ним повсюду. Да и как могло быть иначе – Гидеон Кросс, глава «Кросс индастриз», сумел к двадцати восьми годам стать одним из двадцати пяти богатейших людей мира. Я имела все основания предполагать, что ему принадлежал внушительный кусок Манхэттена, ну а уж в том, что он самый крутой парень на планете, у меня не было ни малейших сомнений.

И где бы он ни работал, его рабочее место всегда украшали мои фотографии: похоже, ему было так же приятно смотреть на меня, как мне на него.

Грациозно повернувшись, Гидеон пригвоздил меня взглядом своих льдисто-голубых глаз. Разумеется, он уже знал, что я смотрю на него. Стоило нам оказаться поблизости друг от друга, и в воздухе между нами возникало потрескивающее энергетическое поле, подобное тому, что предшествует в грозу мощному раскату грома. Надо думать, он намеренно выдержал короткую паузу, прежде чем взглянул на меня, позволив мне насладиться его видом. А то, что это доставляет мне удовольствие, не было для него секретом.

Опасный Брюнет. И весь мой.

Боже... Его лицо производило столь ошеломляющее впечатление, что привыкнуть к нему казалось невозможным. Эти рельефно вылепленные скулы, разлет темных бровей, голубые глаза под сенью густых ресниц и губы... невероятно чувственные и в то же время суровые. Меня сводила с ума его манящая сексуальная улыбка и пробирала дрожь, если они сжимались в строгую линию. Ну а уж когда он припадал ими к моему телу, меня охватывал огонь желаний.

«Господи, ты бы со стороны себя послушала».

Рот мой скривился при воспоминании о том, как раздражали меня, бывало, восторженные отзывы подружек о внешности их парней. И вот результат – я сама целиком и полностью без ума от великолепия этого непростого, обескураживающего, пугающего, сексуального, как сам грех, мужчины, в которого с каждым днем влюбляюсь все сильнее и сильнее.

Хоть теперь, когда мы смотрели друг на друга, он все еще продолжал хмуриться и сурово отчитывать какого-то бедолагу, устремленный на меня взгляд из холодного и раздраженного быстро преобразился в опаляющий и страстный.

Мне так и не удалось привыкнуть к тому, какие перемены происходят в нем всякий раз, стоит ему взглянуть на меня: сила воздействия его взгляда по-прежнему была такова, что меня чуть ли не сшибало с ног. Взгляд этот однозначно извещал о его сильном, страстном желании меня трахнуть – что он и

делал при любой возможности, – но одновременно давал почувствовать неумолимую силу его воли. Все, чем занимался Гидеон в своей жизни, несло на себе отпечаток его властности и мощи.

– Увидимся в субботу, в восемь, – закончил он разговор, после чего вынул из уха гарнитуру и бросил на стол. – Иди сюда, Ева.

Я задрожала. В том, как он произнес мое имя, слышался отголосок приказного тона, которым он командовал: «Давай, Ева», когда я лежала под ним... наполненная им... полная желания кончить для него.

– Эй, сейчас не время.

Я попятилась в коридор, поскольку его заинтересованность делала меня слабой. Уже сама легкая хрипотца в его звучном, приятном голосе чуть ли не доводила меня до оргазма. А уж о том, что бывало, когда он прикасался ко мне, нечего было и говорить.

Я поспешила на кухню сделать для нас кофе.

Пробормотав что-то себе под нос, он двинулся следом, легко нагнал меня размашистым шагом, и я оказалась припечатанной к стене шестью футами двумя дюймами крепкого, жаркого мужского тела.

– Ты ведь знаешь, ангел мой, что бывает, когда ты сбегашь. – Гидеон прихватил зубами мою нижнюю губу, но смягчил укус, облизав ее языком. – Я тебя ловлю.

Что-то всколыхнулось во мне счастливой волной, тело мое покорно и бессильно обмякло от наслаждения, порожденного тем, что оно так тесно прижато к его телу. Я желала его постоянно, желала так остро, что это отдавалось физической болью. Разумеется, то было вожделение, но за ним крылось и нечто иное, нечто гораздо большее. Нечто столь драгоценное и глубокое, что желание, вызываемое похотью Гидеона, не шло ни в какое сравнение с тем, которое мне приходилось испытывать с другими мужчинами. Вздумай кто-то иной попробовать подчинить меня, навалившись всем телом, я просто взбесилась бы, но с Гидеоном ничего подобного не происходило. Он нутром чуял, что мне нужно и как много я способна воспринять.

Внезапно его лицо озарила улыбка, и у меня замерло сердце.

Стоило мне увидеть его прекрасное лицо в обрамлении великолепных темных волос, как я ощутила некоторую слабость в коленях. Эти шелковистые пряди, контрастировавшие с элегантным деловым костюмом, придавали Гидеону особый, неповторимый шарм.

Он потерся своим носом о мой.

– Ты не можешь просто улыбнуться мне, а потом взять и уйти. Ну-ка выкладывай, о чем ты думала, пока я говорил по телефону.

Я скривила губы.

– Ясное дело, о том, как ты великолепен, – криво усмехнулась я. – Уже просто мутит от того, как часто это приходит мне на ум. Пора бы уже этим переболеть.

Гидеон прижал меня к себе еще сильнее, поддразнивая и возбуждая умелыми движениями бедер. В постели ему не было равных, и он прекрасно это знал.

– Черта с два я тебе позволю.

– Да?

По жилам моим уже струился огонь, тело буквально горело желанием слиться с ним воедино.

– Только попробуй сказать, будто хочешь, чтобы другая женщина с мечтательным взглядом вешалась тебе на шею, мистер Ненавистник Преувеличенных Ожиданий.

– Чего я хочу, – проорчал он, взяв меня за подбородок и поглаживая мою нижнюю губу подушечкой большого пальца, – так это того, чтобы ты была слишком занята мыслями обо мне и не могла забивать себе голову кем-то там еще.

Я медленно и потрясенно вздохнула, соблазненная его горящим взглядом, провоцирующим тоном голоса, жаром тела и запахом кожи. Он действовал на меня как наркотик, и у меня не было ни малейшего желания завязать с этим дурманом.

– Гидеон, – зачарованно выдохнула я.

С приглушенным стоном он припал к моим губам с вожделеющим, жадным поцелуем, который тут же заставил улетучиться все мысли о времени... поцелуем, который чуть было не заставил меня упустить из виду только что обнаруженную им уязвимость.

Запустив пальцы ему в волосы, я ответила на поцелуй: мой язык, поглаживая, заскользил по его языку.

Как пара мы с ним были вместе совсем недолго. Меньше месяца. Хуже того, никто из нас не знал, как поддерживать отношения того типа, который мы пытались выстроить: отношения, отвергающие притворство, стремление показать себя людьми без серьезного внутреннего надлома.

Его руки обхватили меня и собственнически сжали.

– Я подумывал провести с тобой выходные на Флорида-Кис – голышом.

– Хмм, звучит заманчиво.

Звучало более чем заманчиво. Хотя облаченный в костюм-тройку Гидеон повергал меня в полнейший восторг, я все равно предпочитала, когда на нем не было ничего. И мне очень не хотелось говорить о том, что как раз в эти выходные я буду занята...

– А дела, которыми мне следует заняться в эти выходные, могли бы и подождать, – пробормотал он, прижимаясь ко мне губами так, что я ощущала их шевеление.

– Ты откладываешь дела, чтобы побыть со мной?

Он уже отрывался от работы и раньше, чтобы провести время со мной, и я знала, что это оборачивалось для него потерями. Моя мать трижды побывала замужем, и все трое ее супругов были, каждый в своей области, успешными, богатыми и влиятельными особами. И мне ли было не знать, что платой за подобные амбиции является работа, которой приходится заниматься, не считаясь со временем.

– Я плачу своим сотрудникам достаточную зарплату, чтобы позволить себе побыть с тобой.

Звучало это приятно, но, уловив проблеск раздражения в его взгляде, я решила сменить тему:

– Спасибо на добром слове. Пойдем выпьем кофе, пока у нас еще есть время.

– Мне бы хотелось оторваться от земли завтра вечером, часов в восемь. Одевайся полегче. Аризона – место сухое и жаркое.

– Что? – Я растерянно заморгала, в то время как он отступил и снова исчез в своем рабочем кабинете. – Так это там у тебя дела, в Аризоне?

– К сожалению.

«Э... тпру!» Понимая, что могу остаться без кофе, я отложила возражения на потом и по его просторным, довоенной постройки апартаментам с высокими арочными окнами, постукивая каблучками по поблескивающему паркетному полу там, где стук не приглушали расстеленные абиссинские ковры, отправилась на кухню.

Отделанное панелями из темного дерева и неброскими тканями, это изысканное жилище потрясало сдержанным великолепием и вкусом. И пусть все здесь дышало роскошью, ему удавалось оставаться теплым, радушным и уютным местом, где можно было расслабиться и почувствовать себя свободно.

Добравшись до кухни, я, не теряя времени, заправила и включила кофеварку на одну чашку. Но тут появился Гидеон с наброшенным на одну руку пиджаком и сотовым телефоном в другой. Я поставила кофе и для него и подошла к

холодильнику за смесью молока и сливок.

– Может, оно и к лучшему, что у тебя дела, – сказала я, повернувшись к нему, чтобы напомнить о ситуации, сложившейся в моей квартире. – Признаться, в эти выходные я планировала пободаться с Кэри.

Гидеон засунул телефон во внутренний карман пиджака, повесил пиджак на высокую спинку барного стула и заявил:

– Ева, ты летишь со мной.

Резко выдохнув, я разбавила свой кофе сливками.

– Зачем? Лежать поблизости голышом и ждать, когда ты закончишь работу и оттрахаешь меня?

Удерживая мой взгляд, он взял кружку, с нарочито неспешным спокойствием отпил дымящегося кофе и спросил:

– Собираешься спорить?

– А ты собираешься создавать трудности? Мы с тобой это уже обсуждали. Ты прекрасно знаешь, что я не могу покинуть Кэри после того, что случилось прошлой ночью.

Вернувшись домой, я наткнулась в гостиной на клубок обнаженных тел. Все происходившее там можно описать одним емким словом «групповуха».

Возвращая упаковку в холодильник, я почувствовала, как одна лишь сила его воли неудержимо притягивает меня к нему. Так было с самого начала. Когда Гидеон хотел, он мог без единого слова заставить меня физически ощутить его требования. И противиться им было очень сложно, поскольку какая-то часть меня просто умирала от желания дать ему все, чего бы он ни захотел.

– Ты собираешься позаботиться о своих делах, а я собираюсь позаботиться о своем лучшем друге. А потом ты вернешься, и мы позаботимся друг о друге.

– Ева, я вернусь только в воскресенье поздно вечером.

– Ох!.. – Я осеклась, но при мысли о столь долгой разлуке у меня скрутило живот.

Большинство пар вовсе не стремятся провести вместе каждую свободную минуту, но мы с Гидеоном явно не принадлежали к этому большинству. И у него, и у меня были свои заскоки, свои заморочки, к тому же наше взаимное влечение было чем-то вроде наркотической зависимости, и для поддержания отношений в норме мы нуждались в постоянном контакте. Я терпеть не могла разлучаться с ним, а если оставалась в одиночестве, то не проходило и пары часов, как я начинала думать о нем.

– Ты только представь, что это значит, – тихо произнес он, и по взгляду его было понятно, что он видит меня насквозь. – В кого мы с тобой превратимся к воскресному вечеру.

Я подула на свою кружку и быстро глотнула кофе. Да уж, мысль о том, чтобы провести все выходные без него, выбивала меня из колеи. Хуже того, мне ненавистна была сама мысль, что он весь этот уик-энд проведет без меня. Ведь ему всегда и повсюду будут сопутствовать неисчислимы возможности и богатейший выбор. Уж кого-кого, а женщин без таких проблем и заморочек, как у меня, повсюду хоть пруд пруди. Однако сказала я совсем другое:

– Гидеон, мы ведь с тобой оба знаем, что это не совсем нормально.

– Кто это говорит? Никто, кроме нас самих, не знает, каково это – быть нами.

Ну ладно. У меня найдется что на это ответить.

– Нам на работу пора, – заявила я, прекрасно сознавая, что из-за этой нерешенной проблемы мы оба будем не в себе весь день. В конечном счете, надо полагать, разберемся и все утрясем, но до той поры придется изрядно помучиться.

Гидеон, прислонившись к барной стойке и скрестив ноги, упрямо гнул свое:

– Что нам на самом деле нужно, так это чтобы ты отправилась со мной.

– Гидеон. – Моя нога начала непроизвольно постукивать по плитке пола. – Ну не могу я вот так просто взять и отказаться ради тебя от всей своей жизни. А если сделаю это, то превращусь в «конфетку» и быстро тебе надоем. Черт побери, да я себе надоем еще быстрее. Да и не убьет же нас, на самом-то деле, если мы разлучимся на некоторое время, чтобы подправить кое-что в других сторонах нашей жизни. Пусть даже сама мысль о разлуке нам ненавистна.

Его взгляд удержал мой.

– Ты слишком озабочена тем, чтобы не стать «конфеткой».

– Уж кто бы говорил: не сам ли ты «слишком озабочен».

Гидеон выпрямился, стряхивая свою задумчивую чувственность, и в сей же миг покорила меня своей настойчивой энергией. Такой деятельный – как я.

– Ева, в последнее время ты привлекла внимание прессы. То, что ты в Нью-Йорке, ни для кого не секрет. Я просто не могу уехать, оставив тебя здесь. Если считаешь нужным, можешь взять Кэри с собой: будешь бодаться с ним, пока я не переделаю все свои дела и не освобожусь, чтобы тебя трахать.

– Ха!

Даже признав и оценив его попытку уменьшить напряжение с помощью юмора, я поняла, что реальным препятствием, не позволяющим ему расставаться со мной надолго, является Натан. Похоже, Гидеон опасался, что бывший сводный брат, живой кошмар из моего прошлого, вполне способен проявиться вновь, уже в настоящем. И я со страхом вынуждена была согласиться с тем, что нельзя счесть его опасения вовсе уж лишенными оснований. Щит анонимности, надежно оберегавший меня годами, разлетелся вдребезги, как только наши отношения с Гидеоном оказались в центре общественного внимания.

Господи... у нас совершенно не было времени вникать еще и в это, но я знала, что в таком вопросе Гидеон от своего не отступится. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые требуют безраздельного обладания, суровы и безжалостны по отношению к возможным соперникам: он никогда не допустит, чтобы мне был причинен какой-либо вред.

Я была его прибежищем, в силу чего являлась для него уникальной и бесценной.

– Нам пора, ангел мой, – произнес Гидеон, бросив взгляд на часы, надел пиджак и жестом предложил мне пройти в роскошную гостиную.

Здесь я взяла сумочку и сумку с уличными туфлями и другими вещами. Затем мы на персональном лифте спустились на первый этаж и скользнули на заднее сиденье «бентли».

– Привет, Энгус, – поздоровалась я с водителем, который в ответ поднес пальцы к своей старомодной шоферской фуражке.

– Доброе утро, мисс Трэмелл, – с улыбкой ответил этот уже немолодой, с заметным проблеском седины в волосах джентльмен.

Он был симпатичен мне по множеству причин, и не в последнюю очередь потому, что возил Гидеона, когда тот был еще школьником, и всегда искренне о нем заботился.

Бросив быстрый взгляд на «Ролекс», подаренный мне мамой и отчимом, я убедилась, что успеваю на работу вовремя... если только мы не застрянем в пробке. Но стоило мне об этом подумать, как Энгус умело влился в непрерывный автомобильный поток. После напряженной тишины апартаментов Гидеона оживленный уличный шум Манхэттена придал мне бодрости, подействовав не хуже, чем хорошая порция кофеина. Звуки клаксонов и стук колес, подскакивавших на крышках люков, наполняли меня дополнительной энергией. По обе стороны запруженной машинами улицы стремительно текли пешеходные ручьи, а устремленные к небу здания отбрасывали на нас тень, несмотря на уже взошедшее солнце.

Господи, я чувствовала, что влюблена в Нью-Йорк не на шутку. И с каждым днем, все больше вбирая, впитывая его в себя, прикипала к нему душой еще сильнее.

Устроившись на кожаном сиденье, я потянулась к Гидеону и, сжав его руку, спросила:

– Тебе будет спокойнее, если мы с Кэри на выходные тоже свалим куда-нибудь из города? Скажем, смотаемся в Вегас?

Глаза Гидеона сузились.

– А я что, представляю собой угрозу для Кэри? Ты поэтому слышать не хочешь об Аризоне?

– Что? Нет. Я так не думаю. – Поерзав на сиденье, я взглянула ему в глаза. – Но порой, чтобы заставить его разоткровенничаться, требуются посиделки на всю ночь.

– Ты так не думаешь, – пробормотал он, повторяя мою фразу и, похоже, игнорируя все остальное.

– Представь себе ситуацию: Кэри уже готов поговорить по душам, но тут вспоминает, что ты рядом и мне не до него. – Мы подскочили на выбоине, и я схватила кружку двумя руками. – Послушай, ну избавься ты наконец от этой дурацкой ревности в отношении Кэри. Пойми, Гидеон, когда я говорю, что он мне как брат, это не прикол такой. Тебе не надо его любить, просто надо усвоить, что он представляет собой неотъемлемую часть моей жизни.

– А ты говорила ему то же самое насчет меня?

– В этом нет необходимости. Он и так все понимает. Я просто стараюсь достичь компромисса...

– Компромиссы не по моей части.

У меня поднялись брови.

– В бизнесе, не сомневаюсь, так оно и есть. Но это взаимоотношения, Гидеон. Предполагается, что обе стороны должны давать и...

Рык Гидеона не позволил мне закончить фразу.

– Мой самолет, мой отель – и куда бы вы оттуда ни сунулись, вас будет сопровождать охрана.

Его внезапная неохотная капитуляция поразила меня настолько, что на какое-то время я лишилась дара речи. Достаточно долгое для того, чтобы его брови вопросительно изогнулись над пронизывающими голубыми глазами.

– А тебе не кажется, что это уже некоторый перебор? – проворчала я. – Со мной ведь будет Кэри.

– Ты уж не обессудь, но после прошлой ночи я не могу доверить ему твою безопасность. – С этими словами он отпил кофе, всем своим видом давая понять, что для него обсуждение закончено. Он познакомил меня с приемлемым для него вариантом решения.

Я бы, наверное, возмутилась подобным произволом, если бы не понимала, что за всем этим стоит искренняя забота обо мне. В шкафах моего прошлого таились кошмарные скелеты, а поскольку, начав встречаться с Гидеоном, я невольно попала под прицел средств массовой информации, никто не мог исключить появления Натана Баркера прямо у моих дверей. Ну и кроме того, стремление контролировать все, имеющее к нему какое-либо отношение, было неотъемлемой частью натуры Гидеона. И если я собиралась иметь с ним дело, то мне следовало принимать его таким, каков он есть.

– Ладно, – согласилась я. – Ты там каким отелем владеешь?

– У меня их несколько. Сможешь выбрать по вкусу. – Он повернулся и выглянул в окно. – Скотт отправит тебе список электронной почтой. Когда решишь, сообщи ему, и он все организует. Мы вылетим вместе, вместе и вернемся.

Я откинулась на сиденье и, пригубив кофе, заметила, как лежавшая на колене его рука сжалась в кулак. Судя по отражению в стекле, лицо Гидеона было бесстрастным, но я физически ощущала его настроение.

– Спасибо, – проворковала я.

– Не за что. Меня, Ева, это вовсе не радует. То, что отмочил твой приятель, уже само по себе хреново, но из-за этого мне еще и выходные придется провести без тебя.

Расстроенная тем, что мне приходится его огорчать, я забрала у него кружку, сунула, как и свою, в держатель на спинке сиденья, а сама забралась к нему на колени и обхватила руками за плечи.

– Поверь, Гидеон, я ценю твое решение. Это много для меня значит.

Его пронизывающие голубые глаза поймали и удержали мой взгляд.

– Как только я увидел тебя, сразу понял, что ты сведешь меня с ума.

Припомнив, какова была наша первая встреча, я улыбнулась:

– Это что, когда я шлепнулась задницей на пол в холле Кроссфайра?

– Раньше. Снаружи.

Я нахмурилась и уточнила:

– Снаружи? Это где?

– На тротуаре.

Гидеон обхватил мои бедра и стиснул их в той властной хозяйской манере, что всегда пробуждала во мне болезненную тягу к нему.

– Я направлялся на встречу. Буквально минута – и мы бы разминулись. Я уже садился в машину, когда ты вдруг вышла из-за угла.

В тот день меня так потрясло великолепное здание, что я не видела ничего вокруг. Но вот когда я уже выходила из него, мое внимание привлек припаркованный у тротуара внедорожник «бентли».

– Ты меня сразила с первого взгляда, – проворчал Гидеон. – Я просто глаз оторвать не мог. Хотел тебя трахнуть, причем немедленно. Хотел так сильно, что можно было спятить. Готов был взять тебя силой.

Ну как могло случиться, что тогда, в нашу первую встречу, я ничего такого не заметила? Я искренне считала, что наше столкновение в фойе было чистой случайностью. Но он собирался уехать... то есть получается, намеренно вернулся обратно. Ради меня.

– Ты остановилась прямо возле «бентли», – продолжил он, – и запрокинула голову. Ты смотрела на здание, а мне представилось, что ты стоишь на коленях и точно так же смотришь на меня. – Гидеон издал низкий рык, заставивший меня изогнуться у него на коленях.

– «Так же» – это как? – шепотом спросила я, загипнотизированная пламенем в его глазах.

– С возбуждением. Отчасти восхищенная... отчасти уstraшенная. – Он сильнее прижал меня к себе. – Я просто не мог не последовать за тобой внутрь. И надо же, войдя, увидел почти то, что хотел. Ты на полу, чуть ли не на коленях, смотришь на меня снизу вверх. Я за одно мгновение успел навообразить себе с полдюжины вариантов того, что бы с тобой проделал, окажись ты еще и голой.

Я сглотнула, памятуя о том, что моя реакция на него была схожей.

– Когда я увидела тебя впервые, на меня накатили мысли о сексе. Безумном, яростном сексе.

– Я это видел. – Его руки скользнули вверх по моей спине. – И я знаю, что ты тоже видела, что я... что у меня внутри. Видела меня насквозь.

Как раз это и сшибло меня на задницу – в буквальном смысле. Заглянув ему в глаза, я ощутила его скрытую силу, то, как обуздывает он свои порывы: ощутила мощь и вожделение, желание и самоконтроль. Где-то внутри я уже тогда знала, что он будет владеть мною. И мне было несказанно приятно узнать, что он, оказывается, испытывал похожие чувства.

Ладони Гидеона легли на мои лопатки, прижимая меня к нему.

– Никто и никогда не видел этого, Ева. Ты единственная.

У меня до боли перехватило горло. Гидеон был силен и суров, но со мной мог быть таким ласковым. Чуть ли не по-детски, что особенно трогало меня, поскольку эти порывы были чисты и неуправляемы. Ну что ж, если никто не удосужился заглянуть глубже, увидеть что-то помимо сногшибательной внешности и обалденного банковского счета, значит они не заслуживают права по-настоящему его знать.

– Я тогда не врубалась. Ты был таким... таким крутым. Не думала, что вообще произведу на тебя хоть какое-то впечатление.

– Крутым?! – фыркнул он. – Оно и немудрено. Меня такой жар охватил, что недолго и вкрутую свариться. Я просто очумел с первого мгновения.

– Как это здорово. Спасибо.

– Ты заставила меня нуждаться в тебе, – прохрипел он. – Теперь одна мысль о том, что придется обходиться без тебя пару дней, для меня невыносима.

Взяв Гидеона за подбородок, я прижалась к его прекрасным губам нежным извиняющимся поцелуем и, не отрываясь от них, прошептала:

– Я тоже тебя люблю. И мне тоже тяжело с тобой разлучаться.

Его ответный поцелуй был жаждущим, алчным, хотя обнимал он меня мягко и бережно, словно сокровище.

Когда мы наконец разъединились, оба тяжело дышали.

– А ведь я даже не в твоем вкусе, – поддразнила я Гидеона, стараясь развеять его перед началом рабочего дня.

Его пристрастие к брюнеткам было широко известно и основательно задокументировано.

«Бентли» свернул, притормозил и остановился. Энгус, чтобы дать нам побыть наедине, вышел из машины, оставив двигатель и кондиционер работающими. Выглянув в окно, я увидела высившийся рядом Кроссфайр.

– Насчет моего вкуса, – начал Гидеон, откинувшись на спинку сиденья и глубоко вздохнув. – Коринн здорово удивилась, увидев тебя. Ты совершенно не похожа на то, что она ожидала увидеть.

При одном лишь упоминании бывшей нареченной Гидеона у меня напряглась челюсть. Даже зная, что с его стороны их отношения были скорее дружеской связью, подкреплявшейся одиночеством, а не настоящей любовью, я ничего не могла поделать. Меня тут же начали жестоко терзать когти ревности.

– Это потому что я блондинка?

– Потому... что ты не похожа на нее.

У меня перехватило дыхание. Я как-то не приняла во внимание, что Коринн установила для него своего рода стандарт. А ведь даже Магдалена Перес, которую связывала с Гидеоном дружба, хотя и мечтала о чем-то большем, говорила, что отрастила свои черные волосы такими длинными в подражание Коринн, но это показалось мне частностью. Боже мой... А ведь если все так и было, Коринн имела на Гидеона огромное влияние, чего я просто не могла вынести.

У меня участилось сердцебиение, желудок скрутило. Я испытывала к ней иррациональную ненависть: ненавидела за то, что ей принадлежала хоть какая-то частица Гидеона. Да что там говорить – моя ненависть распространялась на всех женщин, знавших, что такое его прикосновения... его желание... его восхитительное тело.

– Ева. – Гидеон привел меня в себя, сильнее сжав мои бедра. – Я не думаю, что она права.

Я посмотрела на его руки, и вид подаренного мною кольца на его пальце – символа моего обладания – несколько успокоил меня. Так же как и замеченное, когда я встретилась с ним глазами, смущение на его лице.

– Не думаешь?

– Я никогда, во всяком случае сознательно, не искал ее в других женщинах. Да и вообще не думаю, чтобы искал кого-то, пока не встретил тебя.

Я облегченно вздохнула. Быть может, он и вправду никогда сознательно не искал в других женщинах Коринн, но хотя бы и искал. Трудно было найти особу, менее похожую на Коринн и по внешности, и по темпераменту, чем я. Для него я была уникальной: женщина, отличавшаяся от всех прочих во всех отношениях.

Вот бы еще этих соображений хватило на то, чтобы убить мою ревность.

– Быть может, это было не предпочтение, а просто образец, – сказала я, разглаживая пальцем хмурую морщинку на его лбу. – Вечером надо будет спросить доктора Петерсена. После стольких лет терапии мне бы хотелось иметь больше ответов, но, к сожалению, их нет. И в наших отношениях много необъяснимого. Мне до сих пор непонятно, что ты во мне нашел такого, что тебя зацепило.

– Это то, что ты увидела во мне, ангел мой, – тихо ответил он, и черты его смягчились. – Разглядела, узнала, что во мне сокрыто, и по-прежнему желаешь меня так же, как я тебя. Каждую ночь я засыпаю со страхом, что, проснувшись, не увижу тебя рядом. Что напугал тебя... своими ночными кошмарами...

– Нет, Гидеон!

Господи, он каждый день разбивал мне сердце. Вдребезги.

– Да, в отличие от тебя я не говорил тебе о своих чувствах. Но я принадлежу тебе. И ты это знаешь.

– Да, Гидеон. Я знаю, что ты любишь меня.

Безумно. Яростно. Всепоглощающе.

Точно так же, как и я его.

– Ты поймала меня, Ева. – Гидеон откинул голову и наклонил меня к себе, чтобы одарить сладчайшими, нежнейшими поцелуями. – Я мог бы убить ради тебя, – прошептал он, – мог бы ради тебя отказаться от всего, чем владею... но только не от тебя. Два дня – это мой предел. Большого у меня не проси: я не смогу на это пойти.

Эти слова я не могла принять с легкостью. Богатство защищало его, давало ему силу и власть, похищенные у него в какой-то момент жизни. Ему явно довелось пережить жестокость и насилие, так же как и мне. И его признание в готовности поступиться ради меня своим внутренним покоем значило гораздо больше, чем просто слова «я тебя люблю».

– Мне правда нужны эти два дня, но я тебя за них отблагодарю.

Суровость в его взгляде вдруг сменилась сексуальным жаром.

– Вот как? Планируешь успокоить меня сексом, ангел?

– Да, – бесстыдно призналась я. – Много-много секса – это то, что нужно. В конце концов, мне кажется, с тобой эта тактика прекрасно срабатывает.

Губы его скривились, но взгляд оставался таким, что у меня просто дух захватывало. Взгляд, недвусмысленно напомнивший, если об этом вообще можно было забыть, что Гидеон – это мужчина, которого невозможно укротить или приручить.

– Ах, Ева, – проурчал он, потягиваясь на сиденье с хищной грацией леопарда, надежно спрятавшего добычу в своем логове.

Меня пробрала сладкая дрожь. Когда дело касалось Гидеона, я более чем желала оказаться добычей.

За миг до того, как я вышла из лифта на двадцатом этаже, где располагалось рекламное агентство «Уотерс, Филд и Лимэн», место моей работы, Гидеон, склонившись ко мне, шепнул на ухо:

– И смотри – чтобы весь день думала только обо мне.

Незаметно сжав ему руку в переполненном лифте, я шепнула в ответ:

– Всегда и везде.

Он поехал дальше, на последний этаж, где находился офис «Кросс индастриз». Небоскреб Кроссфайр принадлежал ему, как и множество других городских объектов, включая и тот комплекс, где я жила.

Но как раз об этом я старалась не думать. Моя мать была женщиной-охотницей, она отвергла любовь моего отца ради возможности вести образ жизни, к которому я вообще не желала иметь отношения. Сама я всегда чувствовала, что готова предпочесть любовь богатству, однако отдавала себе отчет в том, что мне легко было это говорить. Деньги у меня имелись – внушительный инвестиционный портфель, причем собственный. Правда, я к ним даже не прикасалась. Уж слишком высокой ценой они мне достались.

Мегуми, секретарша в приемной, приветствовала меня из-за стеклянной двери широкой улыбкой. То была симпатичная молодая, примерно моего возраста, женщина. Ее стильно уложенные блестящие черные волосы обрамляли очаровательное лицо с азиатскими чертами.

– Привет, – сказала я, остановившись у ее стола. – Есть планы насчет обеда?

– А то.

– Потрясающе, – отозвалась я, так же широко и искренне улыбаясь.

Я с удовольствием проводила время с Кэри, но мне хотелось иметь и подруг. Сам Кэри, едва обжившись в городе, уже начал обрастать разнообразными знакомствами, а вот меня, можно сказать, полностью затянуло в водоворот романа с Гидеоном. Хотя я предпочитала каждую свободную минуту быть с ним,

но прекрасно понимала, что это все-таки не совсем нормально, а потому была всерьез настроена обзавестись и подругами женского пола.

Миновав приемную, я прошла по коридору к своему рабочему месту, убрала в нижний ящик письменного стола сумочку, достала смартфон, чтобы отключить звук, и обнаружила на нем сообщение от Кэри: «Детка, прошу прощения».

– Ох, Кэри Тейлор, – вздохнула я. – Я люблю тебя... даже когда ты напрягаешь.

А напряг он меня, надо признаться, основательно. Ну какой, скажите, женщине понравится, если, придя вечером домой, она увидит на полу у себя в гостиной групповуху. Особенно если сама она только что поцапалась со своим любовником.

Я тут же написала ему: «Если нет других планов, давай проведем выходные вместе».

Ответ пришел после долгой паузы, и я даже представила себе, как он осмысливает мое требование, но наконец, черт возьми, прислал ответ: «Собралась надрать мне задницу?»

– Может быть, чуток, – пробормотала я и передернулась, припомнив... оргию, на которую наткнулась.

Но в основном мысли мои были о том, что нам с Кэри, вообще-то, в любом случае не мешало урвать свободное время, чтобы провести его вместе. На Манхэттене мы жили совсем недолго, и все здесь пока было для нас новым. Новая квартира, новая работа, новый опыт, новые любовники у нас обоих. Оказавшись вне своей привычной стихии, мы были вынуждены бороться за место в новой реальности, а поскольку обоих нас отягощал груз прошлого, борьба давалась нам не так просто. Обычно мы помогали друг другу поддерживать равновесие, но в последнее время у нас оставалось на это слишком мало времени. Мы по-настоящему нуждались в совместном отдыхе.

«Готов наведаться в Вегас? Только ты и я?»

«Охренеть, как готов!»

Меня так и подмывало кое-что добавить, но, решив, что время для этого найдется позже, я отключила звук и убрала телефон, в то время как мой взгляд скользнул по двум рамкам с фотографиями, стоявшими возле монитора. В одной были снимки моих родителей и Кэри, а в другой – мои и Гидеона. Эту подборку сделал сам Гидеон и преподнес мне, чтобы она служила постоянным напоминанием о нем, как напоминали ему обо мне подобные фотографии, стоявшие на его рабочем столе. Как будто я нуждалась в таких напоминаниях...

Но мне было приятно, что образы близких мне людей всегда при мне. Мама с копной золотых волос, сногшибательной улыбкой и великолепной фигурой, которую подчеркивало бикини, была запечатлена на борту яхты моего отчима Ричарда Стэнтона во время посещения Французской Ривьеры. Сам отчим выглядел царственно и вальяжно. Его благородные серебристые седины еще больше подчеркивали молодость его жены. И Кэри, удивительно фотогеничный, с роскошными каштановыми волосами, сияющими зелеными глазами и лучистой озорной улыбкой. Лицо на миллион долларов, уже начавшее появляться в журналах и обещавшее вскоре украсить собой щиты, растяжки и автобусные остановки в качестве рекламного образа производящей одежду компании «Грей айлз».

Бросив взгляд через узкий проход и стеклянную перегородку, отделявшую маленький офис Марка Гэррити, я увидела лишь наброшенный на спинку кресла пиджак босса. Я ничуть не удивилась, обнаружив его в комнате отдыха, где он стоял с чашкой кофе и хмуро смотрел на него.

– Похоже, ты с ней освоился, – заметила я, имея в виду трудности, которые Марк поначалу испытывал в обращении с кофеваркой.

– Так и есть, тебе спасибо.

Он поднял голову и одарил меня очаровательной лукавой улыбкой. У него была весьма приятная внешность: блестящая темная кожа, небольшая борода и карие глаза со смешинкой. К тому же Марк был еще и замечательным начальником. Он охотно обучал меня тонкостям своего бизнеса и очень быстро усвоил, что я не из тех, кому приходится дважды показывать, как что-то делается. Мы прекрасно сработались, и я надеялась, что наше сотрудничество

продлится долго.

– Попробуй, – предложил он, взяв с барной стойки еще одну дымящуюся чашку и подав ее мне.

Я приняла кофе с благодарностью, отметив про себя, что Марк не забыл добавить сливок и заменитель сахара – как я любила.

Напиток был горячим, и я осторожно пригубила его, но тут же закашлялась, ощутив неожиданный – и нежелательный! – вкус.

– Что это такое?

– Кофе со вкусом голубики.

Неожиданно хмурое выражение образовалось и на моей физиономии.

– Черт возьми, да кто может захотеть это пить?

– Э... ну, вообще-то, это наша работа: выяснить, кто может, и втюхать им товар. – Он приподнял чашку, словно провозглашая тост. – Это последнее пополнение нашего счета.

Моргнув, я напряглась и сделала еще глоток.

* * *

Я была абсолютно уверена в том, что болезненно-сладкий привкус искусственной голубики будет обволакивать мой язык самое меньшее еще пару часов. А поскольку у меня подоспело время перерыва, я решила поискать в Сети материалы о докторе Терренсе Лукасе, человеке, который позавчера на банкете вел себя вызывающе по отношению к Гидеону. Однако едва я успела вбить в поисковую строку его данные, как на столе зазвонил мой рабочий телефон.

– Офис Марка Гэррити, – сняв трубку, ответила я. – Говорит Ева Трэмелл.

– Ты это серьезно насчет Вегаса? – без предисловий выдал Кэри.

– Абсолютно.

Последовала пауза.

– То есть ты летишь туда со своим дружкой-миллиардером, а меня прихватываешь заодно?

– Что? Нет! Ты что, сдурел? – Я плотно зажмурилась, понимая, насколько неуверенно чувствует себя Кэри, однако считала, что наша давняя, проверенная дружба с ним не оставляет места для такого рода сомнений. – Мы же с тобой на всю жизнь повязаны, сам прекрасно знаешь.

– Ладно. И что, ты вот так просто, ни с того ни с сего решила, что мы должны рвануть в Вегас?

– Примерно так. Ведь нам не повредит расслабиться пару деньков, потягивая мохито возле бассейна, на полном обслуживании.

– Не больно-то я уверен, что смогу покрыть свою часть расходов.

– Не бери в голову, все принадлежит Гидеону. Его самолет, его отель. Мы только на еду с выпивкой потратимся, – приврала я, потому что собиралась оплатить все, кроме авиаперелета, но Кэри об этом знать было необязательно.

– И он с нами не летит?

Откинувшись на стуле, я уставилась на фотографии Гидеона: мы расстались пару часов назад, и мне уже начинало его не хватать.

– У него срочные дела в Аризоне, так что полетит он, и туда и обратно, с нами, но оттягиваться в Вегасе мы будем только вдвоем, ты и я. Сдается мне, нам это нужно.

– Не без того. – Он хрипло вздохнул. – Смена декораций и отдых на пару с лучшей девушкой на свете мне не помешают.

– Вот и чудесно. Он хочет вылететь завтра, часов в восемь вечера.

– Уже начинаю готовиться в дорогу. Собрать чемоданчик и для тебя?

– Не шутишь? Это было бы здорово.

Кэри являлся прирожденным стилистом и был незаменим при хождении за покупками.

– Ева?

– Ну?

Он вздохнул:

– Спасибо, что терпишь мои дерьмовые выкидоны.

– Заткнись!

Закончив разговор, я еще добрую минуту молча таращилась на телефон. Меня сильно огорчало, что Кэри, несмотря на то что в жизни у него все вроде бы шло как надо, был несчастлив. Он отличался уникальной способностью к саморазрушению и никогда по-настоящему не верил в то, что заслуживает счастья.

Когда же я наконец вспомнила о работе, на мониторе высветились результаты поиска в Google сведений о докторе Терри Лукасе. В Сети было помещено несколько статей о нем с приложением иллюстративных материалов.

Педиатр. Сорок пять лет. Двадцать лет состоит в браке.

Я нервно кликнула строку «Д-р Терренс Лукас с супругой», внутренне кривясь при мысли о том, что сейчас увижу брюнетку с длинными волосами и золотистой кожей, и облегченно вздохнула, поскольку миссис Лукас оказалась бледнолицей особой с коротко подстриженными ярко-рыжими волосами.

В результате у меня лишь прибавилось вопросов. Я изначально полагала, что причиной взаимной неприязни этих двух мужчин могла стать женщина. По сути дела, мы с Гидеоном до сих пор очень мало знали друг о друге. Ну да, знали, что в прошлом нам основательно досталось, точнее, он знал это обо мне по моим рассказам, мне же оставалось лишь догадываться, хотя для этих догадок у меня имелись весьма веские основания. Разумеется, проводя вместе ночи у него и у меня дома, мы составили друг о друге определенное представление. Он был знаком с моей матерью и отчимом, а я – со всей его родней. Однако наша связь была не столь долгой, и со многим мы просто не успели соприкоснуться.

И, честно говоря, мы не проявляли в этом отношении той любознательности и пытливости, какую могли бы, словно инстинктивно опасались, что всякая шелуха может еще больше усложнить наши и без того непростые отношения.

Мы стали парой, потому что просто балдели друг от друга. Когда мы были вместе, я ловила такой кайф, о каком прежде и понятия не имела, и знала, что то же самое справедливо и в отношении его. Но эти мгновения блаженства стоили нам немалых усилий и порой казались столь эфемерными, что лишь наше упрямство, решимость и любовь позволяли нам бороться за них и дальше.

«Достаточно, чтобы свести с ума».

Проверив электронную почту, я обнаружила там ежедневный отчет Google по теме «Гидеон Кросс». Клики по строчкам дайджеста выводили главным образом на снимки меня и Гидеона в вечернем костюме, но без галстука на состоявшемся накануне в отеле «Уолдорф Астория» благотворительном обеде.

– Господи!

Глядя на себя в золотистом платье для коктейлей от Веры Вонг, я не могла не вспомнить о своей матери. И не только из-за несомненного, несмотря даже на мои длинные прямые волосы, сходства с нею, но и потому, что, как и она, составляла пару с супер-магнатом.

Моника Трэмелл-Баркер-Митчелл-Стэнтон идеально подходила для роли статусной жены. Она всегда прекрасно знала, чего от нее ждут, и не обманывала ожиданий. И хотя дважды была разведена, оба развода состоялись по ее инициативе, а брошенные супруги немало сокрушались, потеряв такое

сокровище. Я не винила ее в этом, потому что она всегда давала столько же, сколько получала, и ничего не принимала на веру просто так. Однако сама я, по мере того как выросла, отчаянно стремилась к обретению независимости. И из всего, что мне принадлежало, выше всего ценила свое право сказать «нет».

Уменьшив до минимума окно электронной почты, я, отложив в сторону вопросы личной жизни, занялась рынком кофе с фруктовыми ароматизаторами. Мне удалось скоординировать встречи босса с несколькими стратегическими партнерами, после чего мы с Марком предприняли мозговой штурм, касающийся рекламной кампании ресторана здорового питания. Дело уже шло к полудню, и я успела основательно проголодаться, когда снова зазвонил рабочий телефон. Я сняла трубку и представилась.

– Ева? – с нажимом произнес женский голос. – Это Магдалена. У тебя найдется свободная минутка?

Я откинулась на стуле и напряглась. Да, когда в жизни Гидеона вновь объявилась нежданная и нежеланная Коринн, мы с Магдаленой прониклись некоторой взаимной симпатией, но я никогда не забывала, как отнеслась ко мне Магдалена при нашей первой встрече.

– Если только минутка. А в чем дело?

Она вздохнула, а потом зачастила:

– Вчера вечером я сидела за столом недалеко от Коринн и слышала кое-что из их беседы с Гидеоном.

Желудок мой сжался в предчувствии эмоционального удара. Да, Магдалена знала, как использовать все мои страхи насчет Гидеона.

– Была охота ворошить мусор, – холодно процедила я. – Мне не...

– Так ведь речь шла о тебе.

Я застыла на миг с открытым ртом, и она тут же заполнила возникшую паузу:

– Ева, он укрощал ее. Она предложила поводить тебя по Нью-Йорку, поскольку ты здесь еще не вполне освоилась, но на самом деле затеяла все это, чтобы пробудить в нем память о тех местах, которые они когда-то посещали вместе.

– Путешествие на волнах воспоминаний, – пробормотала я, мысленно порадовавшись тому, что тогда не смогла расслышать тихий разговор Гидеона с его бывшей невестой.

– Да, – вздохнула Магдалена. – Ты сбежала с банкета, решив, будто он игнорирует тебя. И я лишь хочу, чтобы ты знала: похоже, он тогда думал о тебе и хотел удержать Коринн от возможных попыток тебя расстроить.

– А тебя это с какой стати волнует?

– Ева, а кто сказал, что меня это волнует? Просто я в долгу перед тобой из-за того, как бестактно на тебя наехала, когда мы познакомились.

Немного подумав, я решила, что она и вправду может чувствовать себя виноватой в том, что тогда, перехватив меня в туалете, наболтала всякой продиктованной злобной ревностью дряни. Хотя в то, что это ее единственная мотивация, как-то не верилось. Возможно, в ее глазах я представляла меньшее из двух зол. А может быть, она просто предпочитала держать врагов поближе, чтобы были на виду.

– Ладно. Спасибо.

Но, так или иначе, я почувствовала себя лучше. Груз, тяготивший меня, хотя я сама того не осознавала, неожиданно свалился с плеч.

– И еще одно, – продолжила Магдалена. – Он отправился следом за тобой.

Я непроизвольно сжала телефонную трубку. Гидеон постоянно следовал за мной... потому что я постоянно сбежала. Вроде бы мои душевные раны затянулись, но психика все равно оставалась хрупкой, и я научилась оберегать ее любой ценой. Как только что-то начинало угрожать ее стабильности, я пускалась наутек.

– Ева, в его жизни были женщины, которые тоже пытались выдвигать такого рода ультиматумы. То ли утомленные неопределенностью, то ли желавшие привлечь его внимание, то ли видевшие в этом какой-то эффектный жест... Короче, они сбегали в надежде, что он отправится вдогонку. И знаешь, что он делал?

– Ничего, – тихо ответила я, зная своего мужчину.

Этот мужчина резко разграничивал секс и социальное общение: спал с одними женщинами, а в общественных местах встречался с другими. Коринн и я – единственные исключения из этого правила, что для его бывшей подруги было еще одним основанием проникнуться ко мне ревностью.

– Ничего. Разве что велел Энгусу позаботиться о том, чтобы они благополучно добрались до дому, – подтвердила Магдалена, заставив меня предположить, что и она в какой-то момент пыталась использовать эту тактику. – А когда ушла ты, он не мог немедленно пуститься за тобой вдогонку и просто места себе не находил. К тому моменту, когда он наконец со всеми распрощался... то, казалось, был сам не свой.

Потому что чувствовал страх.

Я закрыла глаза и мысленно дала себе хорошего пинка.

Гидеон не раз говорил мне, что каждое мое бегство страшно его пугает, потому что ему невыносима сама мысль, что я могу не вернуться. Да, я постоянно твержу, что жизни без него не мыслю, но мои поступки то и дело свидетельствуют об обратном. И стоит ли удивляться тому, что он так и не открыл мне свое прошлое?

Мне следует завязывать с этими побегами. Если мы с Гидеоном хотим, чтобы наши отношения имели будущее, нам обоим следует работать над этим, бороться за это.

– Так что, теперь я перед тобой в долгу? – нейтрально осведомилась я, помахав рукой отправлявшемуся на ланч Марку.

– Мы с Гидеоном знакомы очень давно, – быстро прошептала Магдалена. – Наши матери – лучшие подруги. Поэтому мы с тобой, Ева, время от времени будем пересекаться. И мне очень хочется наладить такие отношения, чтобы эти встречи нас не доставали.

И это говорит женщина, заявившая, что в тот момент, когда Гидеон «запихнул в меня свой член», со мной было покончено. Причем выдала она это в тот момент, когда я была особенно уязвима.

– Послушай, Магдалена, не стоит драматизировать нашу разборку, считай, что проехали, – заявила я и, решив не отставать от нее по части прямолинейности, добавила: – Но поверь, я в состоянии сама разобраться в своих отношениях с Гидеоном. Помощь мне не требуется.

– Это была моя ошибка, – негромко рассмеялась она. – Я была слишком заботлива и слишком услужлива. Ну а с тобой ему предстоит над этим поработать. Ну да ладно... Свою минуту я уже использовала. Больше тебя не задерживаю.

– Желаю хорошо провести выходные, – произнесла я вместо слов благодарности, поскольку ее мотивация по-прежнему вызывала у меня сомнения.

– Тебе тоже.

Я положила трубку и посмотрела на наши с Гидеоном снимки. Меня вдруг переполнила алчная жажда обладания. Сегодня он принадлежал мне, однако я никогда не могла быть уверена в том, что он останется моим и на следующий день. А одна лишь мысль о том, что им может завладеть другая женщина, сводила меня с ума.

Выдвинув нижний ящик стола, я достала из сумочки смартфон и, движимая желанием заставить его так же страстно думать обо мне, послала ему эсэмэску: «Я бы все отдала за возможность отсосать у тебя прямо сейчас».

Меня возбуждала одна лишь мысль том, как он выглядит, когда его член у меня во рту... какие похотливые звуки издает, готовясь кончить...

Встав, я удалила набранный текст сразу после появления извещения о том, что он получен, и убрала телефон в сумочку. Поскольку уже наступил полдень, я закрыла все окна на компьютере и отправилась в приемную к Мегуми.

– Хочешь чего-нибудь определенного? – поинтересовалась она.

Мегуми поднялась, демонстрируя прелестное, лавандового цвета платье без рукавов, перехваченное пояском.

Я закашлялась, так как после моей эсэмэски вопрос оказался в тему.

– Нет, полагаюсь на твой выбор. Я не привереда.

– Я уже основательно настроилась на выходные, – со стоном заявила Мегуми, нажимая на маникюрным пальчиком на кнопку вызова лифта. – Прямо не знаю, как еще полтора дня выдержу.

– Намечается что-то особенно интересное?

– А вот это еще предстоит выяснить. – Она вздохнула, заправила волосы за ухо и уныло пояснила: – Свидание вслепую.

– Вот как. И ты доверяешь тому, кто это организует?

– Организует моя соседка. Думаю, парень будет физически привлекателен, потому что в противном случае я ей спать не дам своим нытьем.

Лифт остановился на нашем этаже, мы вошли, и я с улыбкой сказала:

– Ну что ж, это повышает твои шансы.

– Да не больно-то, потому что она сама познакомилась с этим малым на таком же свидании вслепую. Правда, клянется, что он замечательный. Просто больше в моем вкусе, а не в ее.

– Хмм...

– Вот именно.

Покачивая головой, Мегуми посмотрела на старомодную стрелку над дверью лифта, отмечавшую пройденные этажи.

– Непременно Расскажи мне, как все пройдет.

– О, обязательно. А ты пожелай мне удачи.

– Уже желаю.

Мы вышли в холл, когда я почувствовала вибрацию зажатой под мышкой сумочки. Пройдя за турникет, я вытащила телефон и здорово напряглась при виде имени Гидеона. Он не ответил эсэмэской, а позвонил.

– Прошу прощения, – сказала я Мегуми, прежде чем ответить на звонок.

– Чего там, – махнула она рукой.

– Приветик, – игриво сказала я Гидеону.

– Ева.

Услышав, как он прорычал мое имя, я сбилась с шага. Хищное звучание его голоса таило в себе драгоценное обещание. И от этого я буквально лишилась дара речи. Тон его голоса не оставлял сомнений в том, что больше всего на свете он желал бы оказаться внутри меня.

Люди сновали вокруг, входя в здание и выходя из него, а я остановилась, словно пригвожденная к месту весомым молчанием своего телефона. Требованием, которое не было высказано, но которому было почти невозможно противиться. Он вообще не издал больше ни звука, я и дыхания-то его не слышала, но чувствовала его вожелание. Если бы не терпеливо ждавшая меня Мегуми, я припустила бы к лифту и влетела на верхний этаж, чтобы выполнить его безмолвный приказ осуществить высказанное мною намерение.

Я вспомнила, как отсосала у него в офисе, и меня бросило в жар, а рот наполнился слюной. Я сглотнула.

– Гидеон...

– Ты хотела моего внимания – ты его получила. Хочу услышать, как ты произнесешь эти слова вслух.

Я почувствовала, как вспыхнуло мое лицо.

– Сейчас не могу. Не здесь. Давай я тебе перезвоню.

– Ты просто отступи за колонну, чтобы не торчать у всех на пути.

Я испуганно огляделась по сторонам, высматривая его, и лишь потом вспомнила об определителе звонков в его офисе и подняла глаза к камерам видеонаблюдения. И ощутила на себе его взгляд, жаркий и жаждущий. Во мне всколыхнулось подхлестываемое его желанием возбуждение.

– Поспеши, ангел мой. Тебя же подруга ждет.

Громко, учащенно дыша, я отошла за колонну.

– Ну так вот, Ева, от твоей эсэмэски у меня встало. Ну-ка скажи, что ты собираешься с этим делать?

Моя рука непроизвольно поднялась к горлу, взгляд беспомощно метнулся к Мегуми, ждавшей меня с выгнутыми бровями. Я подняла палец, прося разрешения задержаться еще на минутку, потом повернулась к ней спиной и прошептала:

– Хочу взять твой член в рот.

– Зачем? Поиграть захотела? Подразнить меня, вроде как сейчас? – В его голосе не было жара, только спокойная суровость.

Я знала, что, раз Гидеон проникся в отношении секса такой серьезностью, это требует особого внимания.

– Ничего подобного. – Я подняла лицо к затемненному потолочному куполу, где укрывалась ближайшая из видеокамер. – Чтобы ты кончил, вот зачем. Обожаю, когда ты кончаешь, Гидеон.

– Тогда это подарок, – хрипло произнес он.

Только я одна знала, что значило для Гидеона видеть в сексуальном акте подарок. Прежде секс для него ассоциировался с болью и унижением, с похотью и вожделением. Теперь, со мной, на смену этому пришли наслаждение и любовь.

– Как всегда.

– Очень хорошо. Потому что ты, Ева, и все, что мы имеем, для меня истинное сокровище. И даже наше непрестанное желание трахаться драгоценно для меня, поскольку это имеет значение.

Я прижалась к колонне, мысленно признавая, что надо мной опять берет верх старая деструктивная привычка: использовать сексуальное влечение для избавления от чувства незащищенности.

Если Гидеон вожделеет меня, он не может вожделеть никого больше. Но откуда он всегда знает, что творится у меня в голове?

– Да, – закрыв глаза, выдохнула я. – Это имеет значение.

Было время, когда я предавалась сексу, ощутив всего лишь влечение, и путала мгновенное желание с настоящей потребностью. Именно поэтому теперь я настаивала на том, что, если уж ложусь с мужчиной в постель, наши отношения должны иметь и своего рода дружеское обрамление. Я больше не хотела, выбравшись в очередной раз из койки любовника, не чувствовать ничего, кроме пустоты и грязи.

И была чертовски уверена, что не хотела принижать то, что было у нас с Гидеоном, потому что страшно боялась его потерять. У меня это просто в кишках

сидело, словно постоянное ожидание чего-то ужасного.

– Ангел мой, после работы ты вполне можешь получить желаемое. – Его голос зазвучал глубже, с большей хрипотцой. – Ну а пока желаю тебе славно перекусить с подружкой по работе. Я тем временем буду думать про тебя. И про твой рот.

– Я тебя люблю, Гидеон. – Я отключила телефон и сделала два глубоких вдоха, чтобы прийти в себя и вернуться к Мегуми. – Извини, пожалуйста.

– Все в порядке?

– Да. Все просто замечательно.

– У вас с Гидеоном Кроссом по-прежнему напряженные отношения? – посмотрев на меня, слегка улыбнулась Мегуми.

«Хмм... О да».

– Нет, тут тоже все замечательно.

Мне отчаянно хотелось пооткровенничать на эту тему, открыть клапан и выпустить наружу распиравшие меня чувства. Поведать о том, как поглощают меня мысли о нем, как я схожу с ума, касаясь его руками, как страсть его измученной души пронзает меня, словно острейший клинок.

Но я не могла. Ни в коем случае. Он был слишком известен, слишком узнаваем. Подробности его личной жизни стоили немалых денег. Я не имела права рисковать.

– Уж он-то точно замечательный, – согласилась Мегуми. – Чертовски крутой. – А ты знала его до того, как устроилась сюда на работу?

– Нет. Хотя, полагаю, со временем мы все равно встретились бы.

Из-за нашего прошлого.

Моя мать вкладывала немало сил и средств в помощь детям, подвергшимся надругательствам, этим занимался и Гидеон. Так что раньше или позже, но наши пути непременно должны были пересечься. Я даже мысленно представляла себе эту встречу: он под руку с великолепной брюнеткой и я с Кэри. Интересно, имела бы место при подобной встрече столь мощная внутренняя реакция, которая произошла при столкновении в вестибюле Кроссфайра?

«Он возжелал меня с того мгновения, как увидел на улице».

– Мне просто интересно, – сказала Мегуми, направляясь наружу через вращающуюся дверь. А когда я присоединилась к ней на тротуаре, продолжила:
– Я читала, что у вас, похоже, серьезные отношения. Вот я и решила, что вы, наверное, были знакомы раньше.

– А ты не верь всем сплетням и слухам, на какие наткнешься в блогах.

– Так у вас все несерьезно?

– Этого я не говорила.

Порой все у нас оказывалось слишком серьезно. Болезненно и жестоко.

Она.

– Господи... – покачала головой Мегуми. – Ты уж прости за любопытство. Интерес к сплетням – это один из моих пороков. А уж коли дело касается таких крутых мужчин, как Гидеон Кросс, я просто не могу не гадать о том, каково это – подцепить такого сексуального парня. Сознаться, он хорош в постели?

Я улыбнулась. Хорошо все-таки, когда у нас, девчонок, появляется возможность посплетничать между собой. Нельзя сказать, что Кэри был невосприимчив к крутым парням, однако девичий разговор – это нечто особенное.

– Да уж, пожаловаться не могу.

– Везет же некоторым, – сказала она, шутливо толкнув меня плечом, и спросила:
– А как тот парень, с которым ты делишь квартиру? Я фотки видела, он тоже

обалденно красивый. Он один, а? Может, познакомишь?

Я отвернулась, чтобы скрыть гримасу. Не больно-то легко далось мне понимание того, что сводить с Кэри хороших знакомых и подруг не стоит. По той простой причине, что в него было очень легко влюбиться, из-за чего разбилось великое множество сердец, потому как сам он просто не мог ответить на любовь такой же любовью. Едва только отношения начинали складываться наилучшим образом, Кэри тут же все портил.

– Один он или нет, я понятия не имею. У него сейчас все... довольно запутанно.

– Ладно, просто имей в виду, что если представится возможность, то я буду не против. Только скажи. Ты такос любишь?

– Обожаю.

– Есть чудесное местечко в паре кварталов отсюда. Пошли.

* * *

Когда мы с Мегуми возвращались с обеда, настроение у меня было просто великолепным. После сорока минут оживленных сплетен о парнях и любовных отношениях, сдобренных превосходными мексиканскими лепешками с начинкой, я чувствовала себя чудесно. Радовало и то, что с обеда я поспевала минут на десять раньше окончания перерыва. В последнее время я частенько опаздывала с обеда, хотя Марк и не выражал недовольства по этому поводу.

Вокруг нас бурлил и громыхал город, плотные потоки людей и машин, как всегда в эти часы, пронизывали жаркий и влажный воздух, а я бесстыдно пожирала их взглядом, вбирая в себя все и всех.

Мужчины в деловых костюмах вышагивали вперемежку с женщинами в шлепанцах и коротких юбках, дамы в дизайнерских нарядах и туфельках по пятьсот долларов обходили окутанные паром тележки продавцов хот-догов и громкоголосых уличных торговцев. Это возбуждающее смешение всего на свете, именуемое Нью-Йорком, вызывало у меня дрожь восхищения, чувство, какого я не испытывала нигде и никогда прежде.

Как только мы остановились у перехода прямо напротив Кроссфайра, мое внимание тут же привлек знакомый черный «бентли»: должно быть, Гидеон тоже вернулся с ланча. Разумеется, я немедленно вспомнила рассказ о том, что именно из этой машины он впервые увидел меня в тот момент, когда я любовалась величественной красотой его небоскреба, и от одной этой мысли я ощутила приятное покалывание...

Неожиданно меня бросило в холод.

Вышедшая из здания сногшибательная брюнетка, идеал Гидеона, осознавал он то или нет, помедлила, словно давая мне возможность как следует рассмотреть ее. Та самая, из-за которой мы поругались в «Уолдорф-Астории». Та самая, один вид которой пробуждал во мне самые худшие опасения.

Коринн Жиро в облегающем кремовом платье и вишнево-красных туфлях выглядела словно глоток свежего воздуха. Она пробежала рукой по длинным, до талии, черным волосам, не таким уж блестящим, как показалось мне в тот вечер, когда мы встретились. Да и вообще, выглядела она слегка взъерошенной. И обводила пальцами контуры своих губ.

Вытащив смартфон, я включила камеру, навела на Коринн и, увеличив изображение, поняла, зачем ей это понадобилась: ее помада была размазана. И не просто размазана, а так, как это бывает после страстного поцелуя.

Зажегся зеленый. Мы с Мегуми двинулись в потоке пешеходов, постепенно приближаясь к женщине, которая когда-то добилась от Гидеона обещания на ней жениться. В это время из «бентли» вышел Энгус и после краткого обмена фразами открыл для Коринн заднюю дверь.

Это предательство – и Энгуса, и Гидеона – потрясло меня так, что я перестала дышать. Ноги не держали меня. Хорошо, что Мегуми успела подхватить меня.

На моих глазах стройная фигура Коринн грациозно скользнула на заднее сиденье машины Гидеона. Во мне вскипел гнев, кулаки сжались, слезы ярости затуманили взор. «Бентли» отъехал от тротуара, влился в поток транспорта и исчез.

Глава 3

Как только мы с Мегуми вошли в лифт, я нажала на кнопку последнего этажа.

– Если кто спросит, вернусь через пять минут, – предупредила я ее, когда она выходила у офиса «Уотерс, Филд и Лимэн».

– Поцелуй его за меня, ладно? – заявила она, игриво обмахиваясь ладошкой. – Видишь, даже при мысли, что это будет сделано через тебя, меня в жар бросает.

Я сумела вымучить улыбку и удержать ее до того момента, как двери закрылись и лифт продолжил подъем. На последнем этаже я вышла в оформленный со вкусом, в подчеркнuto мужском духе, холл. На дверях из матового стекла красовалась энергичная надпись «Кросс индастриз». Строгость этого оформления несколько смягчалась подвесными кашпо с папоротниками и лилиями.

Рыжеволосая секретарша в приемной Гидеона нажала на кнопку прежде, чем я успела подойти к двери, а потом еще и расплылась в улыбочке, отчего у меня напряглась спина. Я всегда нутром чуяла, что она меня недолюбливает, а потому эта улыбка не вызвала у меня ни малейшего доверия. Напротив, вызвала беспокойство. Однако я не подала виду: приветливо помахала рукой, поздоровалась и улыбнулась в ответ. Предпочла не выказывать стервозности, хоть у меня и были на то все основания.

Я прошла по длинному коридору к личному кабинету Гидеона и вошла в просторную внутреннюю приемную. Сидевший за столом его личный секретарь Скотт при моем появлении встал.

– Привет, Ева, – сказал он, потянувшись к телефону. – Сейчас доложу о вашем приходе.

Стеклянная перегородка, отделявшая личный кабинет Гидеона от остального офисного пространства, обычно была прозрачной. Однако одним нажатием кнопки ее можно было превратить в матовую, непроницаемую, что сейчас и имело место. Естественно, это усугубило мое беспокойство.

– Он один?

– Да, но...

Конца фразы я не расслышала, потому что ломанулась за стеклянную дверь, в личное помещение Гидеона. Оно было просторным, разделенным на три отдельные зоны, каждая из которых казалась больше, чем весь кабинет Марка. По контрасту с изысканной теплотой домашних апартаментов, в убранстве кабинета преобладали сдержанные черные, серые и белые тона. Некоторое оживление в этот декор вносили усыпанные сверкающими камнями хрустальные графины с разноцветным содержимым, которые стояли в баре.

Из огромных, от пола до потолка, выходивших на две стороны окон открывался вид на город. Темная стена напротив массивного письменного стола была покрыта плоскими экранами, на которых транслировались деловые новости со всего мира.

Взгляд мой obeжал комнату и не упустил небрежно сброшенную на пол подушку. Ворс на толстом ковре перед диваном был предательски примят, да и сам диван оказался сдвинутым с привычного места на несколько дюймов.

Сердце мое бешено заколотилось, ладони покрылись потом. Тревога, охватившая меня ранее, невероятно усилилась.

Я только успела бросить взгляд на открытую дверь ванной, когда из нее вышел Гидеон. При виде его великолепного обнаженного торса у меня перехватило дыхание. Волосы Гидеона были влажными после только что принятого душа, а шея и верхняя часть груди оставались раскрасневшимися, что случилось при физическом напряжении.

Увидев меня, он застыл, взгляд его потемнел, но в следующий миг на его лице появилась привычная непроницаемая маска.

– Ева, ты не вовремя, – произнес он, натягивая рубашку, висевшую на спинке барного стула... причем не ту, что была на нем сегодня утром. – У меня встреча, времени в обрез.

Я крепко сжала сумочку. Этот его неофициальный, почти домашний вид вызвал у меня сумасшедшее желание. Я любила его безумно, нуждалась в нем, как нуждалась в воздухе для дыхания... А потому мне легче было понять чувства Магдалены и Коринн и то, на что они способны пойти, лишь бы отобрать его у меня.

– А с чего это ты разделся?

Тут уж было ничего не поделать. Сам его вид вызывал непроизвольную реакцию моего тела, отчего сдерживать распивавшие меня эмоции было еще труднее. Еще не застегнутая, плотно облегающая рубашка открывала золотистую кожу, рельефные грудные мышцы и кубики брюшного пресса. Черные волоски на груди, сгущаясь, сужались в тонкую дорожку, что вела прямо к скрытому под брюками и трусами-боксерами члену, одна мысль о котором заставляла меня страдать от возжеления.

– Да что-то с рубашкой... – Застегивая пуговицы – мышцы поигрывали при каждом движении, – он направился к бару, где на стойке лежали запонки. – Мне надо бежать. Если что-то нужно, скажи Скотту, он обо всем позаботится. Или я – когда вернусь. Это будет самое позднее через два часа.

– А с чего это ты так задержался, что теперь опаздываешь?

– Да вот пришлось, из-за последней встречи, – ответил он, не глядя на меня.

«Вот так встреча».

– А чего тебя под душ понесло? Ты ведь уже принимал душ утром.

«После того как целый час занимался со мной любовью».

– Это что, допрос? – окрысился он.

Желая все выяснить, я пошла в ванную, воздух в которой был еще напитан теплой влагой. Внутренний голос подсказывал, что не стоит искать лишний повод для расстройства, но я не вняла ему, найдя в корзине для стирки утреннюю рубашку, вытащила ее и увидела на одной манжете пятно

размазанной губной помады. Острая боль пронзила мне грудь.

Бросив рубашку на пол, я резко развернулась и поспешила прочь, держась подальше от Гидеона и желая убраться до того, как разрыдаюсь или меня стошнит.

– Ева? – буркнул он, когда я проходила мимо него. – Что, черт возьми, с тобой творится?

– Пошел ты, подтирка для задницы!

– Прошу прощения?

Я уже взялась за ручку двери, когда он удержал меня, схватив за локоть. Развернувшись, я с такой силой вlepила ему пощечину, что у него голова дернулась, а мою ладонь обожгло огнем.

– Кончай, на хрен, руками махать! – прорычал он, схватив меня за руки и встряхнув.

– Не трожь меня!

Слишком болезненные ощущения вызывали его прикосновения.

Он подался назад:

– Да что, на хрен, с тобой случилось?

– Гидеон, я видела ее.

– Кого?

– Коринн.

– Да о чем ты говоришь? – нахмурился он.

Вытащив смартфон, я сунула фотоснимок ему под нос:

– Улика!

Гидеон посмотрел на экран, и его хмурое лицо разгладилось.

– И в чем эта долбаная улика меня уличает? – с преувеличенной мягкостью поинтересовался он.

– Ох, мать твою!.. – Я снова повернулась к двери, убирая телефон в сумочку. – Не хватало еще тебе это объяснять.

Он положил руку на стекло, удерживая дверь закрытой, и, подавшись ко мне, прошептал на ухо:

– Нет уж, будь добра, объясни.

Я зажмурилась от нахлынувших вдруг воспоминаний о моем первом посещении кабинета Гидеона. Тогда он тоже задержал меня таким же образом, а потом это трансформировалось в жаркие объятия на том самом диване, где, судя по всему, совсем недавно тоже кувыркались так рьяно, что с места сдвинули.

– Можно подумать, снимок не стоит тысячи слов, – процедила я сквозь зубы.

– Ну, на нем Коринн, и что такого? Какое отношение это имеет ко мне?

– Насмехаешься, да? Немедленно отпусти!

– Ну уж нет, мне не до смеха. Я вообще не могу припомнить, чтобы на меня женщины так наезжали. Вламываешься сюда со своими из пальца высосанными обвинениями, порешь какую-то несусветную ахинею...

– Никакую не ахинею! – Я поднырнула под его руку, чтобы хоть немного увеличить расстояние между нами: находиться вплотную к нему было выше моих сил. – Я бы в жизни не стала тебя дурить. Возникни у меня потребность трахаться налево и направо, я сначала распрощалась бы с тобой.

Гидеон прислонился к двери и скрестил руки на груди. Застегнуть рубашку он так и не успел. От его вида меня бросало в жар, отчего я злилась еще больше.

– Так, выходит, я тебя дурю? – ледяным тоном осведомился он.

Я сделала глубокий вдох, силясь справиться с болью, пронизывавшей меня при одной мысли о том, как они с Коринн развлекаются на этом диване.

– Объясни мне, какого черта ее принесло сюда, в Кроссфайр, и почему она вылетела отсюда в таком виде? А заодно объясни, что у тебя за видок и что за бардак в твоём кабинете?

Его взгляд скользнул к дивану, потом переместился к подушке на полу и вернулся ко мне.

– Понятия не имею, что она делала в здании и почему так выглядит. Я не видел ее с того вечера, когда ты была со мной.

Мне казалось, что с «того вечера» миновала целая вечность. А хотелось, чтобы его не было вовсе.

– Меня с тобой не было, – возразила я. – Она похлопала ресницами, сказала, что хочет тебя с кем-то познакомить, и ты свалил, оставив меня одну.

– Господи! – Глаза его вспыхнули. – Ну не начинай по новой!

Я сердито смахнула стекавшую по щеке слезинку.

– Ты что, всерьез думаешь, будто я пошел с ней, потому что так запал на нее, что про тебя и думать забыл?

– Не знаю, Гидеон. Ты меня бросил. А ответ известен только тебе.

– Ты первая меня бросила.

У меня даже челюсть отвисла.

– Я тебя не бросала.

– Не бросала, говоришь? Да не успели мы там появиться, как ты тут же исчезла. Мне пришлось настоящий розыск устраивать, а в итоге оказалось, что ты танцуешь с этим придурком.

– Мартин – племянник Стэнтона.

А поскольку Ричард Стэнтон был моим отчимом, я привыкла относиться к Мартину как к родне.

– Да плевать мне, будь он хоть долбаный святоша! Он тебя явно клеил.

– Боже мой, какая чушь! И вообще, кончай воду мутить! Ты толковал о делах со своими партнерами, а я была ни пришей ни пристегни. И мне было неловко, и им.

– Ловко или неловко, а это твоё место!

Моя голова дернулась, словно он дал мне оплеуху.

– Опять начинаешь?

– Как бы тебе понравилось, если бы я свалил во время банкета у «Уотерс, Филд и Лимэн», потому что ты начала говорить о делах? А потом ты нашла бы меня танцующим с Магдаленой?

– Я...

Черт побери, а ведь посмотреть на это с такой позиции мне и в голову не пришло!

Стоявший у двери Гидеон выглядел спокойным и невозмутимым, но под этой внешней сдержанностью я физически ощущала пульсацию гнева. Он всегда был великолепен, но особенно потрясающе выглядел, когда в нем бушевали страсти.

– Это мое место – быть рядом с тобой, поддерживать тебя и иногда, черт возьми, просто отираться рядом, для мебели. Это мое право, мой долг, моя привилегия. И тебе, Ева, стоило бы отвечать мне тем же.

– Я думала, будет только лучше, если я исчезну.

Он промолчал и лишь саркастически выгнул одну бровь.

Я скрестила руки на груди:

– Так ты поэтому пошел с Коринн? Решил меня наказать?

– Если бы я решил тебя наказать, так разложил бы на коленях.

Я нахмурилась. Вот уж этого не должно случиться никогда.

– Я знаю, как ты все воспринимаешь, – отрывисто произнес он, – и не хотел, чтобы ты приревновала меня к Коринн прежде, чем я успею разъяснить тебе ситуацию. Мне и нужно-то было несколько минут, чтобы удостовериться, что она поняла, насколько у нас с тобой все серьезно и как для меня важно, чтобы этот вечер доставил тебе удовольствие. Это единственная причина, по которой я увел ее.

– И сказал, чтобы она ничего не говорила о ваших отношениях, да? Велел держать язык за зубами насчет того, что она для тебя значит. Да только вам не повезло: бедняга Магдалена это услышала и ее это задело.

А может быть, на самом деле Коринн с Магдаленой спланировали все это вместе? Коринн знала Гидеона достаточно хорошо, чтобы предвидеть его возможные действия. Для нее, надо думать, не составило труда предусмотреть все касающееся его реакции на ее неожиданное появление в Нью-Йорке.

Это предположение выставляло сегодняшний звонок Магдалены в совершенно новом свете. Когда мы с Гидеоном заметили их на банкете, они с Коринн беседовали – две женщины, желавшие одного мужчину, который увлекся третьей. Пока я оставалась на сцене, им обоим ничего бы не обломилось, а стало быть, они могли до поры действовать заодно, чтобы избавиться от меня.

– Я хотел, чтобы ты услышала это от меня, – натянуто произнес он.

Я отмахнулась, куда больше озабоченная происходящим в настоящий момент.

– Гидеон, я видела, как Коринн села в «бентли». Как раз перед тем, как поднялась сюда.

Его вторая бровь выгнулась под стать первой.

– Точно?

– Да уж точнее некуда. Можешь ты мне это объяснить?

– Нет, не могу.

Меня буквально обожгло огнем, неожиданно я поняла, что видеть его не могу.

– Уйди с дороги, мне надо на работу.

Он не двинулся с места.

– Сейчас уйдешь, я только хочу выяснить один момент. Ты что, думаешь, будто я ее трахнул?

Оттого что он произнес это вслух, меня передернуло.

– Уж не знаю, что и думать. Все свидетельствует...

– Вот если бы ты застукала нас с ней голыми в постели, это было бы «свидетельство». – Он подался ко мне так резко, что я отпрянула. – Скажи одно: ты правда думаешь, будто я ее трахнул? Думаешь, что я хотел бы? Мог бы?

У меня задрожали ноги, но я стояла на своем:

– А помаду на рубашке объяснить можешь?

У него напряглась челюсть.

– Нет.

– Что? – переспросила я, ошарашенная его заявлением.

– Ответь на мой вопрос.

Глядя на его лицо, я видела на нем сейчас ту маску, которой он отгораживался от других, но никогда не надевал, оставаясь наедине со мной. Он поднял руку, словно намереваясь коснуться моей щеки кончиками пальцев, но в последний миг отдернул ее, и я услышала, как заскрежетали его зубы. Как будто то, что он не прикоснулся ко мне, стоило ему усилий. Я была в таком жутком состоянии, что даже обрадовалась этому.

– Мне необходимо, чтобы ты объяснился, – прошептала я, гадая, не почудилось ли мне, что у него перекосило лицо. Порой мне так отчаянно хотелось верить в лучшее, что я предпочитала воображать всякую всячину, лишь бы не замечать жестокой реальности.

– Я не дал тебе никаких оснований сомневаться во мне.

– Ты даешь мне их сейчас, Гидеон.

Я резко выдохнула и отшатнулась. Отстранилась. Он стоял прямо передо мной, но казалось, нас разделяют мили.

– Я понимаю, должно пройти время, прежде чем ты сможешь поделиться болезненными для тебя секретами. Сама была в таком положении: испытывала потребность рассказать тебе, что со мной случилось, но просто не была готова. По этой причине я изо всех сил стараюсь не торопить тебя, не давить на тебя. Но у тебя есть секреты, которые ранят меня, а это совсем другое дело. Неужели ты этого не видишь?

Тихонько выругавшись, он взял мое лицо в холодные ладони:

– Я отступаю от своих правил только ради того, чтобы не дать тебе ни малейшего повода для ревности, но когда ты проявляешь такие собственнические чувства, это мне нравится. Хочу, чтобы ты боролась за меня. Чтобы это страшно тебя заботило. Но собственническое чувство без доверия – это ад. Если ты не веришь мне, у нас ничего не получится.

– Предполагается, что доверие должно быть обоюдным.

– Проклятье! Да не смотри ты на меня так, – тяжело вздохнул он.

– Я пытаюсь постигнуть, кто ты такой. Где тот мужчина, который без обиняков заявил, что хочет меня трахнуть? Мужчина, который без колебаний признавался, что я связала его по рукам и ногам, даже притом, что я пыталась с ним порвать. Я верила, что ты всегда будешь так же сурово, прямолинейно честен. Рассчитывала на это. А сейчас... – Я покачала головой. У меня перехватило горло и сил сказать что-то еще просто не было.

Губы его мрачно скривились, но оставались упрямо сомкнутыми. Взяв его за запястья, я развела его руки и сказала:

– На сей раз я не убегаяю, но ты можешь меня оттолкнуть. Подумай об этом.

С этими словами я ушла. Гидеон меня не остановил.

* * *

Остаток дня я провела, сосредоточившись на работе. Марк любил обдумывать свои решения вслух, что было для меня, с одной стороны, вдохновляющим доказательством его доверия и дружеского расположения, а с другой – восхитительным уроком профессионального творчества.

Погружение в поиски наименее затратных и принципиально новых, как, скажем, через блоги молодых матерей, форм рекламы для компании, торгующей детскими игрушками, помогало отвлечься от личных проблем. А по окончании рабочего дня я собиралась отправиться на тренировку по крав-мага, чтобы выжечь мучительное беспокойство физическим напряжением.

В начале пятого зазвонил мой рабочий телефон, и сердце мое подскочило, когда в трубке раздался голос Гидеона:

– Мы должны уйти в пять, чтобы не опоздать на прием к доктору Петерсену.

Я охнула, потому что совсем забыла о том, что мы договорились по четвергам в шесть посещать сеансы парной терапии. На сегодня у нас был назначен первый из них.

Неожиданно я подумала о том, не будет ли он последним.

– Когда подойдет время, я тебя заберу, – довольно резко произнес Гидеон.

Я вздохнула, чувствуя себя далеко не готовой к этому. Вдобавок я уже начала переживать из-за несдержанности, проявленной в ходе нашей утренней стычки.

– Прости, что ударила тебя. Не следовало так поступать. Сама чертовски на себя злюсь.

– Ангел мой, – хрипло вздохнул Гидеон, – ты так и не задала тот вопрос, который имеет значение.

Я закрыла глаза. То, как легко он читал мои мысли, просто бесило.

– Так или иначе, это не меняет того факта, что у тебя есть секреты.

– Секреты – это проблема разрешимая, чего не скажешь про обман.

Я потерла лоб, вдруг ощутив головную боль.

– Тут ты прав.

– Ева, все дело только в тебе, – жестко произнес он.

От таившегося за этими словами сдержанного гнева мне стало не по себе. Он все еще злился из-за того, что я позволила себе усомниться в нем. Ох, черт

возьми, но я ведь и сама все еще злилась.

– К пяти буду готова.

Он был точен, как всегда. Когда я перевела компьютер в спящий режим и достала из ящика свои принадлежности, он уже был здесь, обсуждал с Марком вопрос о рекламной кампании водки «Кингсмен». Высокий, мускулистый, в темном деловом костюме, он являл собой живое воплощение уверенности и успеха, и только я одна знала, что он может быть ужасающе уязвимым.

Я любила этого нежного, глубоко эмоционального человека. Но раздражалась из-за его попыток скрыть свою истинную природу за напускным фасадом даже от меня.

Когда он повернул голову и поймал мой взгляд, я уловила в его голубых глазах проблеск беспомощного желания, выдававший моего возлюбленного Гидеона, но через мгновение все снова скрылось за холодной маской.

– Ну что, собралась?

Было совершенно очевидно, что он утаивает какие-то факты, и это меня просто убивало. Я не готова была смириться с существованием чего-то, что он отказывался мне доверить.

Когда мы проходили через приемную, Мегуми, подпирая кулачком подбородок, подняла голову и драматически вздохнула.

– Кросс, она тобой увлечена, – пробормотала я, когда мы ждали лифта.

– С чего бы это? – фыркнул он. – Что она обо мне знает?

– Вот и я весь день спрашиваю себя о том же самом, – тихо отозвалась я.

И уж на этот раз мне не почудилось. Его точно передернуло.

* * *

Доктор Лайл Петерсен был высоким мужчиной с коротко подстриженными седыми волосами и острыми, но доброжелательными голубыми глазами. Офис его был обставлен сдержанно, но со вкусом, а мебель – удивительно удобной, что я отмечала при каждом своем визите. То, что сейчас Петерсен выступал в роли моего психотерапевта, казалось чуточку странным, потому что он знал меня только как дочку моей мамы. Последние два года он был ее психотерапевтом.

Расположившись в сером кресле напротив дивана, где сидели мы с Гидеоном, доктор Петерсен добродушно посматривал то на одного пациента, то на другого. Разумеется, от него не укрылось ни то, что мы сидели на противоположных краях дивана, ни наши напряженные, оборонительные позы. В смысле эмоционального состояния мы походили друг на друга.

Доктор Петерсен открыл свой планшетный ноутбук, взял стилус и сказал:

– Ну что, начнем с причины возникшего между вами напряжения?

Я выждала мгновение, чтобы дать Гидеону возможность заговорить первым, но не могу сказать, будто меня страшно удивило то, что он предпочел отмолчаться.

– Ладно... За последние двадцать четыре часа мне посчастливилось встретиться с нареченной Гидеона, о которой я знать не знала, что она у него есть...

– Бывшей нареченной, – буркнул Гидеон.

– ...и мне стало ясно, что он ухаживал исключительно за брюнетками из-за того, что она...

– Это не было ухаживанием!

– ...а потом я наткнулась на нее, когда она покидала его офис после обеденного перерыва вот в таком виде. – Я достала смартфон.

– Она покидала здание, – встрял Гидеон, – а вовсе не мой офис.

– И села в твою машину, Гидеон. – Я вывела изображение на экран и передала смартфон доктору.

– Энгус же сказал тебе, когда мы ехали сюда, что он просто увидел ее на улице, узнал и проявил учтивость.

– Можно подумать, он мог сказать что-то другое, – отрезала я. – Этот малый был твоим водителем с детства. Уж конечно, он прикроет твою задницу.

– О, так ты еще и заговор подозреваешь?

– А на кой, спрашивается, черт он там стоял? – с вызовом спросила я.

– Чтобы свозить меня на ланч.

– Куда? Я только удостоверюсь, что ты был там без нее, и этот вопрос будет закрыт.

Гидеон заскрипел зубами:

– Я тебе уже говорил: у меня произошла неожиданная встреча. Я не смог поехать на ланч.

– С кем у тебя была встреча?

– Не с Коринн.

– Это не ответ. – Я снова повернулась к доктору Петерсену, который спокойно вернул мне телефон. – Когда я поднялась к нему в офис спросить, что, черт возьми, происходит, то застала его полуодетым после душа. Диван был сдвинут с места, подушки по полу раскиданы...

– Одна хренова подушка!

– А на манжете рубашки – губная помада.

– В Кроссфайре две дюжины бизнес-арендаторов, – холодно произнес Гидеон, – Она могла побывать у кого угодно.

– Это точно, – ответила я с глубочайшим сарказмом. – Конечно могла.

– Да почему бы мне в таком случае не встретиться с ней в отеле?

Я со свистом втянула воздух:

– Так ты все еще придерживаешь тот номер?

Наконец с его лица слетела маска. Видно было, что он растерян и в панике. А для меня новость о том, что он так и не отказался от своего сексодрома – номера в отеле, который он использовал исключительно для траха и в который, побывав там однажды, ни за что не сунулась бы снова, – была словно удар под дых. У меня невольно вырвался тихий, жалобный стон, и я зажмурилась.

– Давайте немного успокоимся, – вмешался быстро водивший стилусом доктор Петерсен. – Мне хотелось бы немного вернуться назад. Гидеон, почему вы сами не рассказали Еве про Коринн.

– Я все время собирался, – натянуто ответил Гидеон.

– Он мне ни словом не обмолвился, – прошептала я и стала рыться в сумочке в поисках платка, чтобы вытереть заплаканное лицо. Больше всего меня интересовал вопрос: на кой черт он сохранил за собой номер в отеле? И ответ напрашивался единственный: чтобы всегда иметь возможность перепихнуться с кем-нибудь, кроме меня.

– О чем вы обычно разговариваете? – спросил доктор Петерсен, адресуя вопрос нам обоим.

– Обычно я извиняюсь, – проворчал Гидеон.

Доктор Петерсен поднял глаза.

– За что?

– За все, – ответил Гидеон, запустив пальцы в шевелюру.

– У вас есть ощущение того, что Ева слишком требовательна или слишком многого от вас ожидает?

Я чувствовала на себе взгляд Гидеона.

– Нет. Она ни о чем не просит.

– За исключением правды, – повернувшись к нему, поправила я.

Его глаза вспыхнули, опалив меня огнем.

– Я тебе никогда не лгал.

– Гидеон, а вы бы хотели, чтобы она вас о чем-то просила? – поинтересовался доктор Петерсен.

Гидеон нахмурился.

– Подумайте об этом. Мы еще вернемся к этому вопросу. – И доктор переключился на меня. – Ева, этот снимок меня заинтриговал. Вы столкнулись с ситуацией, которую многие женщины сочли бы весьма огорчительной...

– Да не было никакой ситуации, – буркнул Гидеон.

– Речь идет о ее восприятии ситуации, – пояснил доктор.

– Совершенно нелепое восприятие, учитывая физический аспект наших отношений.

– Прекрасно. Давайте поговорим об этом. Сколько раз в неделю вы занимаетесь сексом? В среднем.

Мое лицо вспыхнуло. Я взглянула на Гидеона, который ухмыльнулся.

– Ммм... – Мои губы уныло скривились. – Много.

– Ежедневно? – Брови доктора Петерсена поднялись, когда я, нервно скрестив ноги, кивнула. – Много раз в день.

– В среднем, – подал голос Гидеон.

Доктор положил ноутбук на колени и посмотрел на Гидеона:

– Такой уровень сексуальной активности для вас привычен?

– Доктор, в моих отношениях с Евой вообще нет ничего привычного.

– А какова была частота ваших сексуальных отношений до Евы?

Челюсть Гидеона напряглась, и он взглянул на меня.

– Все в порядке, – сказала я, хотя сама не захотела бы отвечать на подобный вопрос в его присутствии.

Гидеон протянул мне руку, и я подала ему свою, которую он успокаивающе пожал.

– Два раза в неделю, – напряженно произнес Гидеон. – В среднем.

Количество женщин мигом умножилось в моем сознании, и свободная рука сжалась в кулак.

Доктор Петерсен принял прежнюю позу.

– Ева подняла вопрос о недоверии и недостатке общения в ваших отношениях. Как часто вы прибегаете к сексу, чтобы разрешить разногласия?

Брови Гидеона выгнулись дугой.

– Прежде чем вы сочтете Еву жертвой моей избыточной сексуальной требовательности, позвольте сообщить вам, что она инициирует секс не менее часто, чем я. И если бы кто и мог по этому поводу тревожиться, то скорее уж я, просто в силу особенностей мужской анатомии.

Доктор Петерсен вопросительно посмотрел на меня.

– Почти всякое взаимодействие между нами ведет к сексу, – согласилась я, – включая ссоры.

– До или после того, как конфликт признается разрешенным вами обоими?

– До, – вздохнула я.

Бросив стилус, доктор Петерсен принялся набирать текст. По моим прикидкам, к тому времени, когда все будет сказано и сделано, у него наберется материала на целый роман.

– Ваши отношения были такими сексуальными с самого начала?

– Да. Мы очень сильно привлекаем друг друга, – кивнула я, хотя он на меня не смотрел.

– Это ясно. – Он поднял глаза, и на его лице появилась доброжелательная улыбка. – Однако мне хотелось бы обсудить возможность воздержания до тех пор, пока мы...

– Это исключено, – встрял Гидеон. – Идея неосуществимая. По-моему, лучше сосредоточиться на том, что не работает, вместо того чтобы устранять одно из того немногого, что срабатывает.

– Гидеон, а вот я не уверен в том, что это срабатывает, – спокойно возразил доктор Петерсен. – Во всяком случае, срабатывает так, как надо.

– Доктор. – Гидеон забросил ногу на ногу и откинулся на диване, всем своим видом демонстрируя неуступчивость. – Я прекращу ее лапать только в том случае, если умру. Найдите другой способ разобраться с нашими проблемами.

* * *

– Конечно, в этой самой терапии я новичок, – проворчал Гидеон позднее, когда мы уже возвращались домой в «бентли», – поэтому не совсем уверен. Что, крушение поезда воспринимается примерно так же?

– Его можно пережить несколько легче, – ответила я, откинув голову и закрыв глаза. Я чувствовала безмерную усталость. Такую усталость, что даже подумать не могла о том, чтобы к восьми отправиться на тренировку по крав-мага. – Убить готова за душ и постель.

– А мне еще надо кое о чем позаботиться, прежде чем можно будет сказать, что день завершен.

– Ну и славно. – Я зевнула. – Почему бы нам не устроить себе выходную ночь и не увидеться завтра?

Ответом на мое предложение было гробовое молчание. А буквально через секунду оно стало таким напряженным, что мне пришлось поднять голову и разлепить свинцовые веки, чтобы посмотреть на Гидеона.

Он вперил в меня взгляд, его губы раздраженно сжались в тонкую полоску.

– Посылаешь меня подальше?

– Да ничего я не...

– Черта с два ты «не»! Обвинила меня невесть в чем, осудила, а теперь еще и отшиваешь.

– Гидеон, я устала. Вымоталась, разгребая все это долбаное дерьмо. Мне нужно выспаться и...

– Мне нужна ты! – взревел он. – Что, на хрен, еще надо сделать, чтобы ты мне поверила?

– Я не думаю, что ты меня обманываешь. Доходит? Как бы подозрительно все это ни выглядело, я все равно не могла убедить себя в том, что ты так поступаешь. Вся загвоздка тут в секретах, слишком уж велико их значение. Я вкладываю в это все, что могу, а ты...

– А я, по-твоему, нет? – Он развернулся на сиденье так, что теперь мы оказались лицом к лицу. – Да я в жизни своей ни ради чего так не выламывался, как нынче ради тебя.

– Да не надо напрягаться ради меня, это без толку. Сделай так ради себя.

– Не морочь мне голову! Мне не нужно вырабатывать навыки взаимоотношений ради кого-то еще.

Издав низкий стон, я прислонилась щекой к спинке сиденья и снова закрыла глаза.

– Гидеон, я устала от разборок. Единственное, что мне нужно, – это тишина и покой, на одну ночь. Я целый день была сама не своя.

– Ты не заболела? – Он подвинулся на сиденье, мягко подсунул ладонь мне под затылок и прижал губы ко лбу. – Жара вроде бы нет. Может, живот скрутило?

Я вздохнула, вбирая в себя восхитительный запах его кожи. Желание зарыться лицом в выемку на его шее было почти неудержимым.

– Нет, живот тоже... – И тут до меня дошло. Я застонала.

– Что с тобой? – Он подтянул меня к себе, заботливо сжимая в объятиях. – Тебе плохо? Может, позвонить врачу?

– У меня вот-вот должны прийти месячные, – ответила я шепотом, не желая, чтобы услышал Энгус. – Могут начаться в любой момент. Сама не пойму, как я это упустила из виду. Нет ничего удивительного, что я такая усталая и нервная: это все гормоны.

Гидеон замер. Выдержав несколько мгновений, я откинула голову, чтобы увидеть его лицо.

– Это для меня нечто новое, – признал он, сокрушенно поджав губы. – Когда ведешь бессистемную сексуальную жизнь, об этом как-то не задумываешься.

– Счастливчик. Ты был избавлен от неудобств, знакомых всем, кто женат или имеет постоянных друзей.

– Да, я счастливчик. – Он убрал с моих висков выбившиеся пряди волос. – А возможно, если счастье улыбнется мне по-настоящему, завтра ты почувствуешь себя лучше и я снова тебе понравлюсь.

«О господи!» У меня сжалось сердце.

– Ты мне и сейчас нравишься, Гидеон. Что мне не нравится, так это твои чертовы секреты. Это может нас рассорить.

– А ты не допускай этого, – проворчал он, разглаживая мои брови кончиком пальца. – Доверяй мне.

– Тогда и ты должен мне доверять.

Подавшись ко мне, он мягко коснулся своими губами моих губ.

– А ты разве не знаешь, ангел мой? – выдохнул он. – Нет никого на свете, кому бы я доверял больше.

Я запустила руки под пиджак и обняла его, впитывая тепло стройного, крепкого тела. Меня не могло не беспокоить ощущение того, что мы начинаем отдаляться друг от друга.

Гидеон мигом развил обретенное преимущество, его язык проник мне в рот и принялся чувственно, обманчиво неспешно облизывать мой. Я порывалась углубить контакт, желая большего. Всегда большего, ведь если не считать этого, он давал мне так мало себя.

Он зарычал прямо мне в рот, и эротический звук наслаждения и желания заставил меня задрожать. Склонив голову, он стал страстно целовать меня. Наши языки поглаживали один другой, дыхание участилось.

Рука, которой он обхватил мою спину, напряглась, еще теснее прижимая меня. Другая рука скользнула мне под блузку, и я ощутила тепло его ладони. В то время как поцелуй становился все более яростным, пальцы поглаживали меня с нежностью, и я, прогнувшись, подалась им навстречу, желая полнее ощутить его прикосновение к моей голой коже.

– Гидеон...

Впервые нашей физической близости было недостаточно, чтобы утихомирить отчаянное желание внутри меня.

– Тсс, – успокаивающе прошептал он. – Я здесь. И никуда не денусь.

Закрыв глаза, я зарылась лицом в его шею, гадая, действительно ли это наше избыточное упрямство заставляет нас обоих остаться даже тогда, когда все оборачивается так, что лучше было бы разойтись.

Глава 4

Я проснулась с криком, который заглушала закрывавшая мне рот потная ладонь. От тяжести навалившегося тела у меня перехватило дыхание, а другая рука уже лезла под мою ночную сорочку, обшаривая и ощупывая. Охваченная паникой, я отчаянно забилась, дрыгая ногами.

«Нет... Пожалуйста... Не надо больше! Не надо!»

Дыша, словно пес, Натан раздвинул мне ноги и принялся наугад тыкать торчавшим членом, попадая головкой во внутреннюю сторону бедра. Я отчаянно боролась, легкие мои жгло огнем, но он был так силен. У меня не было сил ни сбросить его, ни вырваться.

«Прекрати! Убирайся! Не трогай меня! Боже мой... не делай этого... не мучай меня!

Ма-ма!»

Рука Натана вдавила мою голову в подушку. Чем отчаяннее я сопротивлялась, тем сильнее он возбуждался. Рыча мне в ухо мерзкие гадости, он нащупал-таки щель между моих ног и с ревом засадил туда. Я оцепенела, зажатая в тиски ужасающей боли.

«Да... – хрипел он, – снова в тебе... маленькая сучка... вот тебе...»

Меня сотрясали рыдания, я задыхалась, грудь горела, перед глазами плясали цветные пятна. Из последних сил я продолжила борьбу за воздух... Хоть глоток воздуха...

– Ева! Проснись!

Приказ прозвучал так резко и внезапно, что я открыла глаза и тут же, повинувшись инстинкту, вырвалась из державших меня за плечи рук, замолотила ногами, сбрасывая опутывавшую их простыню, и скатилась с кровати.

Основательно стукнувшись о пол, я наконец проснулась по-настоящему, и из моего горла вырвался жуткий стон боли и ужаса.

– Господи, Ева, что за чертовщина? Так и покалечиться недолго.

Натужно хватая ртом воздух, я на четвереньках потащилась к ванной.

Гидеон подхватил меня на руки и прижал к груди.

– Ева!

– Тошнит, – выдохнула я, прикрыв рот рукой, в то время как в животе моем все бурлило и клекотало.

– Понял! – мрачно отозвался он и быстро отнес меня в туалет, откинул крышку унитаза и опустился на колени рядом со мной, придерживая волосы, чтобы они, пока меня рвало, не падали на лицо. Другая его, теплая на ощупь ладонь поглаживала меня по спине.

– Тсс... ангел, – повторял он снова и снова. – Все в порядке. Ты в безопасности.

Когда мой желудок опустел, я спустила воду и уронила потное лицо на руку, пытаюсь сосредоточиться хоть на чем-то, кроме остатков моего сна.

– Детка.

Повернув голову, я увидела Кэри, стоявшего на пороге ванной с хмурым, озабоченным выражением на симпатичном лице. Он был полностью одет – свободного покроя джинсы и рубашка поло. Гидеон, оказывается, тоже был одет. Костюм он снял, когда мы приехали ко мне домой, но тогда надел спортивные штаны, а сейчас был в джинсах и черной футболке. Сбитая с толку их видом, я взглянула на часы: слегка перевалило за полночь.

– Ребята, вы куда собрались?

– Я, например, только что пришел, – ответил Кэри. – И налетел на Кросса, который тоже поднимался сюда.

Я, как и мой сосед, с недоумением уставилась на Гидеона.

– Ты что, выходил?

Гидеон помог мне подняться на ноги.

– Я ведь говорил тебе, что должен еще кое-что сделать.

«Это посреди ночи?»

– И что это за дела такие?

– Неважно.

Я высвободилась и подошла к раковине, чтобы почистить зубы. Опять чертов секрет. Сколько их у него?

Кэри встал рядом со мной, и наши взгляды встретились, отраженные в зеркале над умывальником.

– У тебя уже давно не было кошмаров.

Глядя в его обеспокоенные зеленые глаза, я позволила ему увидеть, насколько я вымотана.

Он положил руку мне на плечо и сжал его в знак поддержки.

– Ничего, в выходные придем в себя. Перезарядка – это то, что нужно нам обоим. Надеюсь, сегодня с тобой все будет в порядке?

– Я о ней позабочусь, – подал голос Гидеон, сидевший на краю ванны.

– Но это не значит, что меня тут нет, – поцеловав меня в висок, сказал Кэри. – Если понадобится, только крикни.

Взгляд, который Кэри бросил на меня, выходя, был красноречив: то, что Гидеон оставался ночевать здесь, спокойствия ему не внушало. Честно говоря, у меня и самой имелись некоторые опасения. Я считала, что моя осведомленность насчет возможных срывов, случавшихся во сне с Гидеоном, могла сыграть свою роль, усугубив мое и без того неустойчивое эмоциональное состояние. Как сказал не так давно Кэри, мужчина, которого я любила, представлял собой тикающую бомбу с часовым механизмом. И с этой бомбой я делила постель.

Ополоснув рот и вернув зубную щетку на место, я заявила:

– Мне нужно под душ.

Перед тем как лечь спать, я уже мылась, но сейчас снова чувствовала себя грязной. Кожа моя покрылась липким потом, а стоило закрыть глаза, как

начинало казаться, будто в нос мне бьет запах Натана.

Гидеон пустил воду и принялся раздеваться, чем немало меня порадовал, поскольку вид его великолепно го тела мигом заставил забыть обо всем прочем, включая изводившие меня страхи. Он был строен, худощав, но крепок, с рельефной стальной мускулатурой.

Сбросив одежду прямо на пол, я со стоном встала под горячие струи. Он забрался в душевую следом за мной, убрал в сторону мои волосы и поцеловал в плечо.

– Ну как ты?

– Лучше.

«Потому что ты здесь».

Он обнял меня за талию и судорожно выдохнул:

– Я... Господи, Ева, что тебе снилось? Натан?

Я сделала глубокий вдох и спросила:

– Быть может, в один прекрасный день мы поговорим о наших снах, а?

Он резко вобрал в себя воздух, кончики его пальцев поглаживали мое бедро.

– Вот, значит, как?

– Да, – пробормотала я. – Значит, вот так.

Некоторое время мы стояли молча, окутанные паром и тайнами, физически близкие, но удаленные друг от друга эмоционально. Потребность разрыдаться была непреодолимой, и я не собиралась этому противиться. Куда лучше было выпустить накопившееся напряжение. Казалось, стоило мне разрыдаться – и вместе со слезами из меня стали бы вытекать тревоги прошедшего дня.

– Ангел... – Гидеон прижался к моей спине, еще крепче обнял меня, даря умиротворяющее ощущение полной защищенности. – Не плачь... Господи, мне этого не выдержать. Ты только скажи, что тебе нужно, ангел. Скажи, что я могу для тебя сделать.

– Смой это, – шепотом ответила я, прислоняясь к нему и нуждаясь в поддержке, которую дарило мне его нежное обладание. Наши с ним пальцы переплелись на моем животе. – Хочу быть чистой.

– Так ты ведь чистая.

Я всхлипнула и покачала головой.

– Ева, послушай меня. К тебе никто не прикоснется, – твердо заявил он. – Никто до тебя не доберется. Это не повторится. – (Мои пальцы напряглись.) – В противном случае им придется переступить через меня. А я такого никогда не допущу.

Из-за боли в горле я не могла произнести ни слова. От мысли о встрече Гидеона с моим кошмаром... о том, что он увидит человека, проделывавшего все это со мной... узел в животе, весь день не дававший мне покоя, скрутился еще туже.

Гидеон потянулся за моим шампунем, и я закрыла глаза, отрешаясь от всего окружающего, всего, кроме единственного мужчины, который, в свою очередь, был полностью сосредоточен на мне. Затаив дыхание, я ждала прикосновения его волшебных пальцев, а когда дождалась, то меня повело так, что для сохранения равновесия пришлось упереться в стену обеими ладонями. Ощувив его руки у себя в волосах, я застонала.

– Хорошо? – низким, с хрипотцой голосом спросил он.

– Всегда.

Я чувствовала себя на вершине блаженства, когда он вымыл мне волосы шампунем и ополоснул кондиционером,

слегка вздрогнула, когда он стал расчесывать редким гребнем мои мокрые пряди, и, должно быть, застонала, так как он подался ближе и заверил:

– Я еще далеко не закончил.

И тут в воздухе запахло моим гелем для тела, а потом...

«Гидеон».

Я изогнулась в его намыленных руках. Его большие пальцы бережно разминали узлы на моих плечах, заставляя их растворяться под превосходно рассчитанным давлением. Потом его руки заскользили вниз по моей спине... по ягодицам... по ногам...

– Сейчас свалюсь, – пробормотала я, совсем размякнув и опьянев от удовольствия.

– Я тебя поймаю, ангел мой. Я всегда тебя ловлю.

Ласка и уважительная забота Гидеона смывали прочь болезненные и унижительные воспоминания. Его прикосновения в куда большей степени, чем мыло и вода, способствовали моему избавлению от кошмара.

Откликаясь на его побуждение, я повернулась к нему и увидела, что он сидит на корточках и намыливает мои икры, а на его великолепном гибком теле играют мускулы. Взяв рукой за подбородок, я приподняла его голову.

– Ты бываешь так добр ко мне, Гидеон, – мягко сказала я. – Сама не понимаю, как ухитрюсь порой забывать об этом. Даже на минуту.

Быстрый глубокий вздох расширил его грудь. Гидеон выпрямился, руки заскользили вверх, и вот он уже снова возвышался надо мной. Его губы прикоснулись к моим. Нежно. Легко.

– День сегодня выдался какой-то задолбанный... Дерьмовый, да и вся неделя. Мне тоже пришлось нелегко.

– Знаю.

Я обняла его, прижавшись щекой к его груди. Он был так крепок и силен. Мне нравилось то, как я чувствовала себя в его объятиях. Член его и без того уже давно торчал, но, откликаясь на мои движения, сделался еще тверже и толще.

– Ева... – Гидеон прочистил горло. – Дай мне закончить, ангел.

Я куснула его за челюсть и, потянувшись к его великолепному зад, плотнее прижала к себе.

– А почему бы тебе вместо этого не начать?

– Так ведь к тому все и идет.

Как будто дело могло кончиться чем-то другим, когда мы стояли в обнимку голые, а наши руки блуждали по нашим телам. Рука Гидеона скользнула мне пониже спины и вызвала у меня такой порыв желания, словно он запустил ее между ног.

– Ладно... начнем по новой и все исправим.

Руки Гидеона поднялись вверх, легли по обе стороны моей шеи, и его большие пальцы приподняли мне подбородок. Может, он и собирался объяснить, почему заняться любовью прямо сейчас не самая удачная идея, но я, упреждая, ухватила его руками за член.

Он издал рык, его бедра дернулись.

– Ева...

– Было бы стыдно упустить такую возможность.

– Я не могу испортить все дело. – Его глаза были темны, как сапфиры. – Если ты возбуждаешься от моих прикосновений, то я и вовсе схожу с ума.

– Гидеон, пожалуйста...

– Я скажу когда, – произнес он командным голосом, и я автоматически ослабила хватку.

Гидеон отступил назад и зажал член в кулак. Я беспокойно переступала с ноги на ногу, все мое внимание было приковано к этой умелой руке с длинными, изящными пальцами. Когда расстояние между нами увеличилось, я ощутила боль – так томилось по нему мое тело. Жар, вызванный его прикосновениями, не угас: казалось, будто он каким-то образом поддерживал его на расстоянии.

– Видишь что-нибудь приятное? – проурчал он, убажывая себя.

Удивленная тем, что он не только отверг меня, но еще и дразнит, я подняла взгляд – и у меня перехватило дыхание.

Гидеона тоже сжигал внутренний огонь. Не могу подобрать другого слова, чтобы описать это. Он смотрел на меня из-под опухших век так, словно хотел пожрать живьем. Его язык неторопливо шевелился, просунувшись между губами, словно он пробовал меня на вкус, и мне, честное слово, показалось, будто он скользит у меня между ног. Это выглядело потрясающе... и я знала, что за этим последует... знала, как неудержим и яростен бывает он, когда в нем пробуждается подобное вожделение.

Он представлял собой вопиющее, ошеломляющее воплощение СЕКСА. Яростного, безумного, жаркого, нескончаемого, сводящего с ума секса. Он стоял по ту сторону моей душевой кабины с широко расставленными ногами и, ритмично поигрывая рельефными мышцами, медленными, долгими движениями надрачивал свой прекрасный член.

Я отроду не видела ничего столь откровенно сексуального и вызывающе мужского.

– О боже! – вырвалось у меня. – До чего же ты, на хрен, крут.

Блеск в его глазах сказал мне, что ему известно, какое впечатление это на меня производит. Его свободная рука медленно скользнула вверх по мускулистому

животу и сжала грудную мышцу, всколыхнув во мне ревность.

– Сможешь кончить, глядя на меня?

И тут до меня дошло. Он просто боялся вступать со мной в сексуальный контакт так скоро после моего ночного кошмара, боялся возможных непредсказуемых последствий. И вместо этого устроил великолепное сексуальное шоу, желая возбудить меня настолько, чтобы я, ничем не рискуя, смогла удовлетворить себя сама. Осознание этого вызвало во мне небывалый прилив эмоций – благодарности, привязанности, нежности и желания.

– Я люблю тебя, Гидеон.

Его глаза закрылись, словно прозвучавшие слова были слишком сильны для его восприятия, но когда открыл их снова, меня пронзило нестерпимое желание, порожденное силой его воли.

– Покажи!

Здоровенная головка его члена торчала из руки, скользившей туда-сюда, и от одного вида его покрасневшего лица мои бедра начали конвульсивно сжиматься. Большим пальцем другой руки он растирал свой сосок. Раз. Два. При виде того, как мой рот наполнился слюной, он издал удовлетворенный рык.

Вода, струившаяся по моей спине, и клубившийся между нами пар только добавляли сцене эротизма. Движения его ходившей взад-вперед руки убыстрились. Его член был таким огромным. Воистину мужским.

Не в силах выдерживать боль в затвердевших сосках, я сжала ладонями свои груди.

– Вот так, ангел. Покажи мне, что я делаю для тебя.

В какой-то миг я не была уверена, удастся ли мне это. Еще совсем недавно мне казалось неловким говорить с Гидеоном о вибраторе.

– Смотри на меня, Ева. – Он подхватил яйца одной рукой, а член другой. С подобающим ситуации бесстыдством. – Я не хочу кончать без тебя. Мне нужно, чтобы ты была со мной.

Мне хотелось так же воспламенить его. Мне хотелось, чтобы мое тело – мое желание! – прожигало его насквозь так же, как его образ прожигал меня.

Взгляд мой был прикован к нему, а руки заскользили по собственному телу. Я следила за его движениями... прислушивалась к прерывистому дыханию... улавливала признаки, позволявшие понять, что его заводит.

Каким-то образом это ощущалось так же интимно, как если бы он был во мне, если даже не больше, потому что мы оба были полностью открыты для обозрения. Совершенно голые. Наслаждение каждого из нас отражалось в другом.

Хрипловатым голосом сексуального бога он начал говорить мне, чего от меня хочет.

– Подергай себя за соски... потрогай промежность – ты уже мокрая? Введи в себя пальцы... Чувствуешь, какая ты тугая? Жаркая, влажная, тугая щелка – рай для моей шишки. Обалдеть, на хрен, до чего ты хороша... до чего сексуальна. У меня так чертовски на тебя стоит, что аж больно... Видишь, что ты со мной делаешь? Я для тебя так обалденно кончу...

– Гидеон!

Я задыхалась. Кончиками пальцев я быстрыми круговыми движениями массировала клитор, мои бедра сжимались и терлись в такт касаниям.

– Вместе с тобой, – прорычал он, наяривая свой член с нарастающей быстротой и пылом, который свидетельствовал о приближении оргазма.

Ощувив внутри первые спазмы, я издала крик и оперлась рукой о стекло, чтобы устоять на дрожащих, обессиленных ногах. Гидеон тут же подскочил ко мне и подхватил под зад жаждущим, властным движением. Пальцы его сгибались в безостановочном возбуждении.

– Ева! – взревел он, когда первая тугая струя семени ударила мне в живот. – Трах!

Склонившись надо мной, он схватил зубами чувствительное место между плечом и шеей, не причинив боли, но показав этим, что еще не удовлетворен. Из его горла вырывался прерывистый рык, а член вновь и вновь обдавал мой живот жаркими выбросами спермы.

* * *

В начале седьмого утра я выбралась из спальни. Я проснулась чуть раньше Гидеона, и мне представилась редкая возможность полюбоваться на моего спящего мужчину. Обычно он всегда вставал, когда я еще спала. На сей раз я могла разглядывать его, не беспокоясь насчет того, что он заведется.

По коридору я вышла в просторную гостиную. Могло показаться нелепым, что мы с Кэри жили в Верхнем Вест-Сайде, занимая апартаменты, которые вполне сгодились бы для большой семьи, но я уже давно усвоила, что в вопросах, касающихся моей безопасности, с мамой и отчимом лучше не спорить. В таких вопросах, как район, наличие консьержа и швейцара, их все равно было не переубедить, зато, пойдя им навстречу в этом, я могла рассчитывать на большую самостоятельность в чем-то другом.

Я слонялась по кухне в ожидании, пока сварится кофе, когда ко мне присоединился Кэри. Он выглядел неотразимо в серых спортивных штанах с эмблемой Университета Сан-Диего, с поблескивающими от мусса темными волосами и суточной щетиной на квадратной челюсти.

– С добрым утром, детка, – поцеловав меня в висок, промурлыкал он.

– Что-то ты рано.

– Кто бы говорил. – Он взял с полки две кружки и достал из холодильника смесь молока со сливками. – Как твои дела?

– Все хорошо. Правда хорошо, – отозвалась я, заметив его скептический взгляд. – Гидеон позаботился обо мне.

– Ладно, но если все действительно так здорово, то скажи, пожалуйста, что довело тебя до ночного кошмара?

Я налила кофе в обе кружки, добавила себе сахара и сливок, а Кэри только сливок и по ходу дела выложила всю историю про Коринн, банкет в «Уолдорфе» и про спор, который вышел у меня с Гидеоном в связи с ее появлением в Кроссфайре.

Кэри стоял, прислонившись к барной стойке, скрестив ноги и обхватив одной рукой грудь.

– Стало быть, никакого объяснения? – отпив кофе, уточнил он.

Я покачала головой, физически ощутив тяжесть молчания Гидеона.

– Ну а ты-то как? Как твои дела?

– Ты просто хочешь сменить тему, да?

– Ну а что тут еще можно добавить? Это односторонняя история.

– И ты даже не думаешь, что у него всегда могли быть секреты?

Нахмурившись, я поставила кружку на барную стойку.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что ему двадцать восемь лет, он сын покончившего с собой махинатора, работавшего по «схеме Понци», и уже успел отщепить себе основательный кусок Манхэттена. – Кэри вызывающе выгнул бровь. – Вот о чем стоит подумать. Не кажутся ли тебе эти моменты взаимоисключающими?

Опустив взгляд, я отпила кофе, не признаваясь в том, что и сама не раз и не два задавалась похожими вопросами. Богатство Гидеона и впрямь было ошеломляющим, особенно с учетом его возраста.

– Не могу представить себе, чтобы Гидеон обманывал людей, нет, хотя согласна с тем, что добиться достигнутого им законными путем более чем сложно.

– Со всеми его секретами можешь ли ты быть уверена, что знаешь его достаточно, чтобы выносить такие суждения?

Я подумала о мужчине, который провел со мной ночь, и с облегчением поняла, что уверена в своем ответе – по крайней мере, на настоящий момент.

– Да.

– Хорошо, если так, – пожал плечами Кэри. – Вчера я разговаривал с доктором Трэвисом.

При упоминании психотерапевта из Сан-Диего направление моих мыслей мигом переменялось.

– Да ну?

– Ага. Я и впрямь основательно напортачил той ночью.

По тому, как взволнованно он отбросил упавшие на лицо пряди, стало понятно, что речь идет об оргии, на которую я наткнулась прошлой ночью.

– Кросс сломал Йену нос и рассек губу, – добавил он, напомнив мне о том, как отреагировал Гидеон на наглую попытку этого... дружка Кэри заставить меня присоединиться к групповухе. – Я вчера заходил к Йену. Видок у него такой, словно он физиономией к кирпичу приложился. Он спрашивал, кто его разукрасил, чтобы можно было вчинить иск.

– Ох! – На пару секунд у меня перехватило дыхание. – Ну и хрень!

– Да уж. Миллиардер плюс судебное разбирательство. Это точно та еще хрень. И каким только долбаным местом я тогда думал? – Кэри зажмурился и потер глаза. – Ну ладно, я все равно ему сказал, что не знаю парня, который ему врезал. Будто бы ты подцепила его где-то и приволокла домой. Кросс так стремительно напал на него, что он ни черта не видел и опознать его все равно

не сможет.

– Он, может, и не сможет, но те две девицы глаз с Гидеона не сводили.

– Они вылетели за ту дверь. – Кэри указал на противоположную сторону гостиной, как будто захлопнувшаяся за гостями дверь все еще вибрировала. – Упорхнули, словно адские летучие мыши. В любом случае им до наших разборок дела нет, да никто из нас ничего про них и не знает. Если только Йен случайно на них не наткнется, все будет на мази.

Я непроизвольно потерла живот, ощутив нервную дрожь. Ну все время что-нибудь, да не так.

– Буду держать ситуацию под контролем, – заверил меня Кэри. – Вся эта ночная история прозвучала для меня, как звонок будильника, а разговор о ней на сеансе терапии открыл передо мной определенные перспективы. Побывав у доктора, я отправился к Трею. Попросить прощения.

Упоминание имени Трея меня опечалило. Я надеялась, что Кэри сумеет выстроить со студентом-ветеринаром настоящие отношения, но он опять все испортил. Как всегда.

– Ну и как?

Кэри снова пожал плечами и после некоторого замешательства ответил:

– Один раз я обидел его, потому что я придурок. А потом обидел снова, уже вчера, пытаюсь все исправить.

– Ваши отношения разорваны? – Я взяла его за руку и сжала ее.

– Скажем так: они серьезно охладились. До температуры льда. Он хочет, чтобы я был геем, и только. А я не хочу.

Больно было слышать, как кто-то хотел, чтобы Кэри был кем угодно, только не самим собой, и я никак не могла взять в толк почему и зачем. По моему разумению, Кэри был хорош таков, каков есть.

– Мне так жаль, Кэри.

– Да и мне тоже, потому что он замечательный парень. Просто я пока не готов ко всем напряжениям и требованиям непростых отношений. У меня работы выше крыши. И не такое стабильное положение, чтобы еще всю дорогу переживать да дергаться. – Он поджал губы. – Может, тебе тоже стоит над этим поразмыслить. Ведь мы с тобой оба пребываем в некотором раздвиге. И нуждаемся в том, чтобы все как-то устаканилось.

Я кивнула, понимая, откуда это берется, но не возразила. Однако сама я была полна решимости до конца разобраться в наших с Гидеоном отношениях.

– А с Татьяной ты тоже разговаривал?

– Так ведь нужды нет. – Он погладил большим пальцем мои костяшки и отпустил руку. – С ней все просто.

Я фыркнула и сделала большой глоток уже начавшего остывать кофе.

– Не только в этом смысле, – произнес он с многозначительной ухмылкой. – Я имел в виду, что она не ждет чего-то эдакого и не выдвигает никаких требований. До тех пор пока я в форме и она получает оргазм по меньшей мере столько же раз, сколько и я, с ней все в порядке. Я на самом деле чувствую себя с ней хорошо, и не только потому, что она потрясная соска. Просто иногда в кайф оттянуться с кем-нибудь, кто просто хочет развлечься и не напрягает своими заморочками.

– Гидеон знает меня. Он все понимает и пытается идти мне навстречу. Он работает над этим, Кэри, и ему тоже приходится нелегко.

– Ты как думаешь, Гидеон перепихнулся днем со своей бывшей?

– Нет.

– Уверена?

Глубоко вздохнув, я подкрепила себя еще одним глотком и признала:

– Почти. Думаю, сейчас этим с ним занимаюсь только я. Больно уж у нас все в кайф, понимаешь? Но его бывшая сохраняет определенное влияние на него. Он говорит, что тут замешано чувство вины, но это не объясняет его тяги к брюнеткам.

– Это объясняет, почему ты с катушек съехала и залепила ему пощечину. То, что она снова отирается поблизости, тебя просто поедом ест. А тут еще и он упорно не хочет объяснить, что, вообще, происходит. Это, по-твоему, нормально?

Нет, конечно. Я знала это. И меня это бесило.

– Вчера вечером мы были у доктора Петерсена. У Кэри поднялись брови.

– И как?

– Ну, бежать друг от друга как можно дальше и как можно быстрее он совета не дал.

– А если бы дал? Ты бы не прислушалась?

– Не поручусь. Но серьезно, Кэри, – я посмотрела прямо ему в глаза, – могу ли я загадывать что-то наперед, если мне не по силам выдержать никакой качки.

– Эх, детка. Кросс – это цунами.

– Ха! – Я просто не могла не улыбнуться. Кэри умел заставить меня улыбаться даже сквозь слезы. – По правде говоря, если у меня не получится преодолеть это с Гидеоном, то сильно сомневаюсь, чтобы вообще с кем-нибудь что-нибудь получилось.

– Это говорит твое дерьмовое самоуважение.

– Он знает, что я ношу в себе.

– Вот и хорошо.

У меня взлетели брови.

– Хорошо?

«Надо же, как просто».

– Я не в восторге. Но буду этим заниматься.

– Пойдем займемся твоей прической, – сказал он, беря меня за руку.

– Ты лучше всех, – благодарно улыбнулась я.

– Вот уж об этом я тебе забыть не позволю, – отозвался Кэри и подтолкнул меня бедром.

Глава 5

– Если говорить о смертельных ловушках, – пробормотал Кэри, – так лучше этой и не сыскать.

Я кивнула, приглашая его в главный салон личного самолета Гидеона.

– С чего это ты стал смерти бояться? Летать на самолетах безопаснее, чем ездить на машинах.

– А тебе не кажется, что авиастроительные корпорации попросту приплачивают за такие «статистические данные»?

Ткнув его со смехом в плечо, я, честно признаться, с немалым восторгом оглядела великолепный интерьер. Я не в первый раз летела на частном самолете, однако Гидеон, как обычно, и здесь позволил себе то, что было доступно лишь немногим.

Кабина была просторной, с широким центральным проходом. Палитра отделки отличалась сдержанностью, с акцентом на шоколадно-коричневых и льдисто-голубых тонах. Слева располагались глубокие вращающиеся кресла со столиками, а по правую руку – угловой диван. У каждого кресла имелась отдельная развлекательная консоль. Я знала, что в кормовом отсеке находится спальня, а также роскошная ванная, а возможно, и две. Стюард принял у меня дорожную сумку, забрал багаж у Кэри и жестом предложил выбрать для себя кресла со столиками и занять места.

– Мистер Кросс должен прибыть в течение ближайших десяти минут, – сообщил он. – Могу я пока предложить вам что-нибудь выпить?

– Мне, пожалуйста, воды.

Я посмотрела на часы: еще только-только минуло семь тридцать.

– «Кровавую Мэри», если у вас найдется, – распорядился Кэри.

– У нас все найдется, – с улыбкой ответил стюард.

– А что? – поймав мой взгляд, взъерепенился Кэри. – Я, между прочим, не обедал. Томатный сок поддержит меня до тех пор, пока мы не подкрепимся, а благодаря алкоголю меня, по крайней мере, не замутит слишком быстро.

– Можно подумать, будто кто-то возражает, – заметила я и выглянула в окно.

Уже вечерело. Мысли мои, как обычно, обратились к Гидеону. Весь сегодняшний день, с того момента, как встал, он был спокоен. На работу мы ехали в молчании, а в пять, когда у меня закончился рабочий день, он позвонил мне лишь для того, чтобы сообщить: Энгус отвезет меня домой одну, а потом, вместе с Кэри, доставит в аэропорт, где мы и встретимся.

С учетом предстоящего перелета я предпочла пройтись до дома пешком, хотя Энгус и предупредил, что Гидеон этого не одобрит, пусть даже отказ мой был вежлив и обоснован. Полагаю, Энгус подозревал, что я дуюсь из-за того, что он подвез Коринн, и в какой-то степени был прав. Самой стыдно признаваться, но в определенном смысле мне хотелось, чтобы он об этом сожалел, хотя я сама на

себя злилась из-за такой противной мелочности.

Идя через Центральный парк по извилистой тропе среди высоких деревьев, я решила для себя, что никому, даже Гидеону, не позволю умалить свое достоинство. И не допущу, чтобы наши с ним разногласия помешали мне прекрасно провести время в Вегасе с моим лучшим другом.

На полпути до дома я остановилась и обернулась, бросив взгляд на вознесшийся высоко над Пятой авеню дом, где был пентхаус Гидеона. Мне было интересно: он сейчас там, собирает вещи и думает о том, как проведет выходные без меня? Или все еще на работе, наспех доделывает незавершенные за неделю дела?

– Ух ты, ох ты, – произнес нараспев Кэри, когда стюард вернулся с подносом, на котором стояли заказанные нами напитки. – Ну и взгляд!

– Что за взгляд?

– Просто дьявольский взгляд. – Он звякнул своим высоким тонким бокалом о мой приземистый и широкий. – Хочешь об этом поговорить?

Ответить я не успела, потому что в этот момент на борт поднялся Гидеон. Выглядел он угрюмо и держал кейс в одной руке и сумку в другой. Передав сумку стюарду, он остановился возле нас, коротко кивнул Кэри и провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Это простое прикосновение подействовало на меня, как электрический разряд. А потом он исчез – удалился в хвостовую часть, в отдельную кабину, и закрыл за собой дверь.

– Он чертовски угрюмый, – нахмурилась я.

– И чертовски крутой. Что он с этим костюмом делает...

Как правило, это костюм делает мужчину. Но Гидеон, что казалось невозможным, ухитрялся придавать особый вид своим костюмам-тройкам.

– Не сбивай меня с мысли, – буркнула я.

– А ты сделай ему минет. Это гарантированно поднимает настроение.

– Сказано по-мужски.

– А ты ожидала чего-нибудь иного? – Кэри взял заиндевевшую стеклянную бутылку с водой и указал на этикетку с логотипом «Кросс тауэрс и казино». – Посмотри. Экий шик.

– Это для «китов», – усмехнулась я.

– Для кого?

– Для игроков высшего класса. Для тех, кто глазом не моргнет, пролетев на сотню тысяч, а то и больше, если карта не так легла. Их всячески стараются завлечь: и угощением, и размещением в шикарных апартаментах, и доставкой туда и обратно. Второй муж моей мамы был как раз из таких. Это стало одной из причин ее развода с ним.

Кэри, глядя на меня, покачал головой:

– До хрена же ты всего знаешь. Так, стало быть, это самолет компании.

– Один из пяти, – сообщил стюард, вернувшийся с фруктами и сыром.

– Господи, это чуть ли не целый чертов воздушный флот, – пробормотал Кэри. Он вытащил из кармана упаковку пилюль от тошноты и, отправив таблетку в рот, запил «Кровавой Мэри». – Не хочешь? – спросил он, постучав упаковкой по столу.

– Нет. Спасибо.

– Хочешь пообщаться с мистером Крутым-и-Мрачным?

– Не уверена. Лучше, пожалуй, вытащу свою «читалку».

– Полагаю, это будет безопаснее для твоего рассудка, – кивнул он.

Спустя полчаса Кэри слегка похрапывал в полностью откинутом кресле, прикрыв уши звукоизолирующими наушниками. Некоторое время я молча смотрела на

него, довольная тем, что во сне он выглядел умиротворенно и расслабленно: даже морщинки вокруг его рта разгладились.

А потом я встала и направилась к кабине, в которую удалился Гидеон. Сначала собиралась постучаться, но потом отказалась. Он и без того не пускал меня то туда, то сюда, а потому я не собиралась предоставлять такую возможность еще и сейчас.

Когда я вошла, Гидеон посмотрел на меня, не выказывая ни малейшего удивления по поводу моего появления. Он сидел за рабочим столом и слушал женщину, говорившую ему что-то с экрана спутниковой связи. Его пиджак висел на спинке кресла, узел галстука был ослаблен. Скользнув по мне взглядом, он продолжил беседу.

Я начала раздеваться.

Первым делом сняла топик, за ним последовали босоножки и джинсы. Женщина продолжала говорить, то и дело поминая «озабоченность» и «расхождения», но его взор, пылкий и жадный, уже был прикован ко мне.

– Хорошо, Эллисон, мы вернемся к этому утром, – прервал ее он и, нажав на кнопку, отключил экран за миг до того, как мой бюстгальтер приземлился ему на голову.

– У меня предменструальный синдром, – заявила я, – но у тебя что-то неладно с перепадами настроения.

Он положил лифчик себе на колено и откинулся в кресле, сцепив пальцы и опершись локтями о подлокотники.

– Ты затеяла стриптиз, чтобы поднять мне настроение?

– Ха! Мужчины так предсказуемы. Кэри вот тоже советовал отсосать у тебя, чтобы придать тебе бодрости. Нет... не заводись раньше времени. Этого не будет.

Я засунула большие пальцы за резинку трусиков и покачалась на пятках. Мне хотелось приковать его внимание ко мне, но не к моим грудям.

– Сдается мне, ты передо мной в долгу. И в немалом. Я была исключительно понятливой любовницей при данных обстоятельствах. Ты не находишь?

Его брови выгнулись дугой.

– Это к тому, – продолжила я, – что было бы чертовски интересно посмотреть, что бы ты стал делать, оказавшись на моем месте: увидев, как мой бывший парень выходит от меня, заправляя на ходу рубашку в штаны. А потом, поднявшись наверх, увидел бы, что койка моя смята, а я как раз вылезаю из-под душа.

У Гидеона напряглась челюсть.

– Этого никому из нас лучше не видеть.

– Стало быть, мы оба сходимся на том, что с учетом обстоятельств я вела себя просто потрясающе. – Я скрестила руки, зная, что это его любимая поза. – Ты однозначно дал понять, каким образом считаешь возможным меня наказывать. А как ты собираешься меня вознаградить?

– А выбор за мной? – врасстяжку произнес он, глядя из-под опущенных тяжелых век.

– Нет, – улыбнулась я.

Положив мой лифчик на клавиатуру, он неторопливым грациозным движением поднялся с кресла.

– Ладно, ангел мой, будет тебе награда. Чего ты хочешь?

– Для начала я хочу, чтобы ты перестал дуться.

– Дуться? – Его губы скривились в сдержанной улыбке. – Так ведь мало того, что я проснулся один, у меня впереди еще целых два утра без тебя.

Опустив руки, я подошла к нему и уперлась ладонями в его широкую грудь.

– И дело действительно только в этом?

– Ева.

Он был таким сильным, физически развитым мужчиной, но в то же время мог растрогать меня подобной уважительностью.

Я наклонила голову, уверенная, что голос меня выдает. Он был слишком восприимчивым.

Гидеон взял меня за подбородок, поднял мою голову и заглянул в глаза:

– Поговори со мной.

– У меня такое ощущение, будто ты отдаляешься.

Гидеон даже зарычал от возмущения:

– Мне приходится много чего держать в голове. Но это не значит, будто я не думаю о тебе.

– Я это нутром чую, Гидеон. Между нами дистанция, которой раньше не было и в помине.

Его руки соскользнули мне на шею и обвили ее.

– Нет никакой дистанции. Ты взяла меня за горло, Ева. – Его хватка чуть усилилась. – Разве сама не чувствуешь?

Я нервно втянула воздух. Учатившееся сердцебиение было физическим откликом на страх, исходивший изнутри. Гидеон, в этом у меня не было ни малейших сомнений, в жизни не причинил бы мне физического вреда и не подвергнул опасности.

– Порой мне трудно дышать, – сипло выдавил он, обжигая меня взглядом.

Я могла бы освободиться, если бы не его глаза, выдававшие сильное желание и смятение. Гидеон вызывал у меня ощущение полной утраты сил, ощущение того, будто каждый мой вздох целиком зависит от кого-то еще.

И тут я совершила нечто прямо противоположное бегству. Откинула голову назад и сдалась – и в тот же миг изводивший меня страх отхлынул прочь. До меня дошло, что Гидеон был прав относительно моего желания уступить ему контроль над собой. Таким образом я реализовывала смутную потребность подчиняться, о существовании которой до некоторого времени и не подозревала.

Последовала долгая молчаливая пауза, наполненная лишь его дыханием. Я ощущала переполнявшие его эмоции и гадала, каковы они, гадала, в чем причина таких противоречий.

Наконец он разрядил напряжение глубоким вздохом:

– Что тебе нужно, Ева?

– Ты – прямо в небесах.

Его ладони легли мне на плечи, сжали их и двинулись ниже, поглаживая мои руки. Потом его пальцы сцепились с моими, а наши головы сблизились.

– Тебя что, сексуально возбуждает способ транспортировки?

– Я получу тебя везде, где только смогу, – ответила я ему, повторив как-то сказанную им фразу. – К тому же, скорее всего, это последняя возможность перед вынужденным перерывом из-за моих месячных.

– Это ж трахнуться можно!

– Неплохая идея.

Сняв с кресла пиджак, он закутал меня в него и вывел из кабины.

* * *

– О боже!

Мои руки вцепились в простыни, спина выгнулась дугой, когда Гидеон, прижав мои бедра к постели, принялся водить языком по моему клитору. Кожу мою покрывала тонкая пленка пота, зрение туманилось, а влагиалище похотливо сжималось, готовясь к оргазму. Сердце бешено колотилось в унисон с гулом двигателей самолета.

Я кончила уже дважды, причем меня одинаково доводил до оргазма и его умело и порочно работающий рот, и вид его головы между моими ногами. Трусики на мне он буквально разодрал, а сам при этом оставался полностью одетым.

– Я готова.

Я запустила пятерню ему в волосы, чувствуя, как они увлажнились у корней. Сдержанность давалась Гидеону не так просто, но он был заботлив по отношению ко мне, выжидая, когда я увлажнюсь и размякну, чтобы засадить в меня свой огромный член.

– Я сам решу, когда ты будешь готова.

– Хочу тебя внутри...

Неожиданно самолет качнулся, потом провалился в воздушную яму, но Гидеон не шелохнулся, его присосавшийся ко мне рот продолжал возбуждать меня. Я со стоном выдохнула его имя и дугой выгнула спину. Желание ощутить его в себе было всепоглощающим. Сквозь шум в ушах я слышала голос, о чем-то оповестивший через бортовой громкоговоритель, но слов не разобрала.

– Ты сейчас так чувственна. – Подняв голову, он облизал губы. – Кончаешь как безумная.

– Кончила бы еще круче, будь ты во мне, – вздохнула я.

– Приму это к сведению.

– Плевать, если и будет небольшая рана, – гнула свое я. – У меня впереди не один день, чтобы прийти в себя.

В глубине его глаз что-то сверкнуло. Он поднялся:

– Нет, Ева.

Резкость его голоса разогнала навеянный оргазмами туман. Я приподнялась на локтях и увидела, что он быстро и с экономной грацией начал раздеваться.

– Выбор за мной, – напомнила ему я.

Он избавился от жилета, галстука и запонок, после чего слишком уж спокойным тоном уточнил:

– Ты и вправду хочешь разыграть эту карту, ангел?

– Да, если надо.

– Для того чтобы я намеренно повредил тебе, требуется нечто большее.

Его рубашка и брюки последовали за предыдущими предметами туалета, но уже медленнее. Да и вообще, стриптиз Гидеона был куда менее соблазнительным, чем мой.

– Боль и наслаждение для нас взаимно исключающие понятия.

– Я не имею в виду...

– Я знаю, что ты имеешь в виду.

Стянув трусы-боксеры, он выпрямился, а потом опустился на колени в ногах кровати и двинулся ко мне ползком, словно крадущийся леопард.

– Тебе больно оттого, что мой член не внутри тебя. И ты скажешь что угодно, лишь бы его заполучить.

– Да.

Он навис надо мной, его волосы темной завесой падали вокруг лица, тело отбрасывало на меня тень. Наклонив голову, он коснулся моих губ и слегка провел по ним кончиком языка.

– Ты жаждешь этого. Чувствуешь себя пустой без этого.

– Да, черт тебя подери!

Ухватившись за его стройные бедра, я прогнулась ему навстречу, чтобы ощутить его тело. Наибольшей близости с ним мне удавалось достичь именно тогда, когда мы занимались любовью, и как раз в такой близости я нуждалась сейчас, нуждалась в том, чтобы полностью прочувствовать, как нам хорошо вместе перед предстоящей на выходные разлукой.

Он пристроился у меня между ног, его твердый, горячий член лежал на моих половых губах.

– Когда я введу его полностью, тебе будет немножко больно, этого не избежать: у тебя маленькая, тугая щелка и я заполняю ее целиком. Порой я теряю самоконтроль и малость зверею. С этим тоже ничего не поделать. Но о том, чтобы я умышленно причинил тебе боль, меня и просить нечего. Этого я не могу.

– Хочу тебя, – выдохнула я, бесстыдно натираясь своей увлажнившейся промежностью о его пышущий жаром член.

– Еще рано. – Он покачал бедрами, прилаживая толстую головку своего члена, мягко навалился на меня и, разложив меня под собой, слегка, лишь чуть-чуть, ввел самый конец. Это проникновение извергло из меня стон, все тело напряглось. – Ты еще не готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/silviya-dey/otrazhennaya-v-tebe-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/silviya-dey/otrazhennaya-v-tebe-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)